

A man in a dark coat and hat is shown in a close-up, looking down towards a man walking away on a wooden bridge. The man walking away is seen from behind, wearing a dark coat and carrying a bag. The bridge has wooden railings and is set against a bright, hazy sky with bare tree branches. The overall mood is contemplative and mysterious.

Наталия Рос

С тенью на мосту

18+

Наталия Рос
С тенью на мосту

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Рос Н. В.

С тенью на мосту / Н. В. Рос — «ЛитРес: Самиздат», 2019

События происходят в начале 20 века в одном маленьком, затерянном в холмах, селе. К двенадцатилетнему мальчику, которому суждено было всю жизнь прожить безграмотным пастухом, пришел однажды необычный старик и предложил ему сделку – дар в обмен на приют. Мальчик не в силах был отказаться от того, что мог дать ему старик, и согласился. С того момента вся жизнь главного героя разделилась на До и После.

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	11
3	14
4	18
5	22
6	26
7	30
8	34
9	37
10	40
11	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

В оформлении обложки использованы фотографии с сайта <https://unsplash.com/> по лицензии СС0. Авторы фотографий: Anastasia Vityukova, Alessio Lin, Markus Spiske, Joe Beck, Mika и Nataliya Ros

Автор коллажа – Мила Мирошникова.

Часть 1

1

Он пришел ко мне в середине сентября в образе старика, когда я дремал, лежа на траве, а мои овцы отдыхали в тени огромной раскидистой акации, скрываясь от палящего осеннего солнца. В тот день я был в холмах один вместе со своим верным псом Ориком. Мой старый друг и напарник Бахмен захворал, и я уже пару дней отлично справлялся сам и был очень горд этим обстоятельством, так как мне было доверено все состояние моей семьи – шестьдесят две овцы.

Несмотря на то что уже наступила осень, дни продолжали оставаться по-летнему жаркими и душными, хотя по ночам уже появлялись первые зябкие напоминания о неизбежном приближении холодов.

Тот день я помню как сейчас: высоко палящее солнце обжигало кожу, и душные порывы ветра сушили горло и нос. Я только что пообедал скромным пайком, собранным мне матерью, и на меня навалилась навязчивая, но такая приятная дремота, что я не удержался – накрыл лицо своей старой, потрепанной шляпой, которую еще носил мой дед, и с удовольствием растянулся на траве. Закрыв глаза и как всегда мысленно унесся в свои любимые придуманные места. Я воображал себе большую воду, о которой рассказывал Бахмен, как эта вода застилает все пространство до самого горизонта, и как солнце каждый день поднимается из нее, а вечером обратно окунается, образуя вокруг себя огненную лаву.

Где-то неподалеку от меня едва слышно заскулил Орик.

– Жарко сегодня, – сказал старческий голос.

Я вздрогнул, поднял голову и огляделся. В метрах трех от меня, на сухой траве, сидел старик в коричневом плотном пиджаке из шерсти, застегнутом на все пуговицы, в черных брюках и черной шляпе с атласной лентой. «В такой-то одежде поневоле будет жарко», – сперва подумал я, но тут же насторожился: откуда здесь, в холмах, мог взяться этот старик? Нет, он, конечно, мог бы просто забрести так далеко, прогуливаться, например, или собирать коренья и травы, как Бахмен, но отчего-то я сразу решил, что старик не делал ни того ни другого, да и не похож он был на местного. Было в нем что-то подозрительно нескладное и странное. Из-под его шляпы свисали длинные неопрятные пряди темных, совершенно незатронутых сединой, волос, достававшие до самых плеч. На первый взгляд ему можно было дать лет семьдесят, как и Бахмену, но он явно не относился к местным старикам: у нас не принято было мужчинам носить длинные волосы, да и одежда не соответствовала ни погоде, ни случаю.

Старик, задумавшись, смотрел куда-то вдаль.

– Солнце палит, значит, дождя не миновать.

– Добрый день, – поздоровался я и снова удивился, как он еще не взмок в своей одежде, ведь мне было жарко даже в моей тонкой льняной рубахе.

Мне не хотелось с ним разговаривать, так как сейчас было самое лучшее время для полуденной дремы, но из вежливости я все же продолжил:

– Да, сегодня жаркий день.

– Много овец, – сказал он, по-прежнему не смотря на меня, – тяжело тебе приходится.

– Отчего же? Они смирные. Много хлопот не доставляют. У меня есть отличная собака и мне не трудно.

Он усмехнулся.

– Знаю я, как не трудно. Пасты скот всегда трудно, тем более что ты еще ребенок, совсем юный и слабый.

Я нахмурился: мне не понравились его слова, я давно считал себя самостоятельным, способным выполнять любую взрослую работу.

– Я не ребенок и тем более не слабый. Мой отец не доверил бы мне скот, если бы считал слабым.

– А что ему еще остается делать? – старик вздохнул, будто чем-то опечалился, чуть сдвинул шляпу со лба и посмотрел на меня темными, блестящими на солнце глазами. – Разве у него есть выбор? Кто-то должен выполнять эту тяжелую работу. Сколько еще протянет твой старый друг Бахмен? Не думаю, что долго. Твоему отцу уже надоело, небось, платить ему. Это только из жалости он продолжает давать ему работу. Кому нужны такие старики, когда толку от собаки больше? Твой отец ждет, когда ты сможешь самостоятельно пасти овец, и время это приближается.

– Откуда вы все это знаете? – желание поспать как рукой сняло. – Вы живете где-то здесь, в Холмах?

– Ах, нет, – старик осклабился, показав свои ровные, белые, хорошо сохранившиеся зубы, и задумчиво потер рукой гладко выбритый подбородок, – я не местный. Я только планирую поселиться здесь. Мне нравится ваша природа. Она такая первобытная. И здесь чувствуешь себя как в затерянном мире, далеко от суеты и тревог. Здесь тихо. Обманчиво тихо. А насчет того, откуда я все это знаю, так это пустяки – я многое знаю. Например, что через неделю тебе исполнится тринадцать.

Неприятный холодок пробежал по моей спине, но я проигнорировал его слова, решив, что старик, скорее всего, немного не в себе и мог чисто сказать наугад, или ему могли что-то сообщить родственники, к которым он, наверное, приехал.

– А в каком доме живут ваши родные? Может, я их знаю?

– А с чего ты решил, что они у меня вообще есть? Увы, у меня никого нет, – старик опечаленно развел руками, – я один. Давно уже один.

– Значит, вы хотите купить дом?

– У такого бедного одинокого старика, как я, нет денег для покупки дома.

С надрывом заблеяла овца. Я обернулся, разыскивая глазами Орика, но пса нигде не было видно.

– И где же вы тогда будете жить? – отчего-то спросил я, хотя мне уже надоело разговаривать с ним, и я хотел посвистать собаку, чтобы уходить.

– В твоём доме.

Мое сердце неприятно ухнуло. Я пристально на него посмотрел, пытаюсь понять, не шутит ли он, но его темные, непривычно яркие для стариков глаза со всей серьезностью смотрели на меня. Он не шутил. В этот момент мне страшно захотелось быстрее убраться от него подальше.

– Вы не можете жить в моем доме.

– Почему ты так думаешь?

– Мы не принимаем у себя постояльцев. Отец не разрешает селить чужаков.

– Но он не узнает. Я поселюсь незаметно.

– Это как?

– Ты пригласишь меня.

– Извините, но я не буду приглашать вас, – резко ответил я.

– Да, я понимаю, – он вдруг переменился: из настойчивого и уверенного превратился в обмякшего и несчастного человека, – ты совсем еще маленький. Ты не можешь принимать решения и отвечать за свои поступки. Ведь если бы ты мог, уверен, ты пригласил бы меня.

– Почему вы так говорите, ведь вы совсем меня не знаете? – я уже начинал злиться.

– Прости, если обидел, – старик сделал сожалеющее лицо, – но насколько я знаю, ты боишься своего отца. Ты не можешь принимать самостоятельно решения, потому что он за тебя все уже решил. Он определил уже всю твою жизнь.

От того, как старик протяжно произнес слово «всю», у меня заныло сердце, и затошнило. Все, что он сказал, было правдой. Отец действительно решил за меня мою судьбу, определив в пастухи, без возможности когда-либо получить образование или другую профессию. В этот момент я понял, что старик меня дурачит, ведь такие подробности мог знать только местный, знакомый с укладом нашего села, или ему кто-то должен был рассказать об этом.

– Ясно. Вам кто-то рассказал про меня?

– Нет, ты первый человек, с которым я заговорил за долгое время моего путешествия. Я только что пришел вон оттуда, – он махнул в сторону диких холмов, густо поросших лесом, куда никто не гонял скот, и никто не ходил, так как те места были опасны. Там водились волки, да и вообще за теми холмами начинались горы, там была безлюдная, чужая земля.

– Но там же нет дорог? Как вы оттуда могли прийти?

– Там есть дороги, только вы их боитесь. Боитесь потому, что не знаете, куда они могут вас завести. Ведь новые дороги всегда кажутся опаснее старых и проверенных.

– Мне пора, – сказал я, решив, что этот странный и бессмысленный разговор пора прекращать. Я поднял с травы свою пастушью палку, посильнее сжал ее в руке, и снова пробежался взглядом по стаду в поисках пса. Тут только я заметил, что овцы стояли и лежали, будто вылепленные из пластилина, словно кто-то их намертво пригвоздил к земле. Такими же тихими и безмолвными были трава и деревья, душного ветра больше не было. Я присвистнул и позвал Орика.

– Твой пес, – глухо проговорил старик, – он вернется. Я отправил его погулять. Не люблю собак.

Вдруг я подумал, что старик мне мерещится, что он всего лишь плод моей фантазии: привиделся из-за палящего солнца, напекшего мне голову. Я встряхнул головой, закрыл и открыл глаза – старик по-прежнему нескладно сидел на траве, подогнув ноги, и рассматривал меня темными, подозрительно бойкими глазами. На его пиджаке слева заметна была вышивка в виде двух лебедей с перекрещенными шеями. Я не особо разбирался в одежде, но знал от отца, покупавшему моему старшему брату школьное пальто и форму, что добротная сшитая вещь стоит хороших денег, и ее сразу можно отличить от той, которую может состряпать местная криворукая девка. Пиджак старика, хоть и запыленный, потрепанный от времени, и достаточно мешковатый для худосочного человека, подсказывал, что в свое время он был качественно сшит умелым портным.

– Мне пора, – снова повторил я, надел свою шляпу и собрался двинуться вперед, чтобы погнать овец.

– Они вряд ли пойдут сейчас куда-нибудь. Эх их разморило.

Я, не обращая внимания на его слова, перекинул сумку через плечо и привычным свистом дал понять овцам, что пора на водопой, к звездному роднику. Так мы называли крошечную речку, стремительно бежавшую внизу Большого холма, из-за того, что ее вода то была светлой и прозрачной, когда ярко светило солнце, то темнела, когда находили облака, и только блестящие камни, лежащие на дне, по-прежнему сверкали и переливались, как звезды на ночном небе.

Овцы меня не послушались, застопорились на месте, будто в первый день были на пастбище, а старый уродливый баран, прозванный Прошкой, принял обороняющую позицию и недобро на меня посматривал. Такое со мной случилось впервые, и я не знал, что делать. Если бы рядом был Бахмен, наверняка он бы объяснил нежелание стада двигаться, но я был один, и даже Орик куда-то исчез. Я еще раз присвистнул и позвал по имени собаку. Никогда еще пес не отзывался на мой зов. Он всегда прилежно выполнял свою работу и ни на шаг не отлучался

от меня, ведь мы были с ним большими друзьями. Что-то было не так: воздух стал слишком горячим и тяжелым, и я словно попал в его ловушку. Когда все мои попытки сдвинуть стадо с места оказались безуспешны, я ощутил всю свою беспомощность в этой глупой ситуации, и горькое, неприятное чувство досады, оттого что это происходило на глазах чужого человека, навалилось на меня. Все это словно подтверждало слова старика о том, что я еще слабый и юный для такой работы.

– Иларий, я же сказал, что они не двинутся! – крикнул старик и помахал, призывая меня обратно.

Мне ничего не оставалось делать, как подойти к нему, хотя я очень этого не хотел: он пугал меня. Я, стараясь не подавать виду, что мне страшно, решительно приблизился к нему, осматривая его серьезным взглядом, который должен был показать, что я серьезный противник и в случае чего смогу постоять за себя.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? И что вы сделали с овцами и моей собакой? – грозно спросил я, крепко сжимая свою палку.

– Да не тревожься ты так. С ними все будет в порядке. Просто они немного задремали. Зато у нас есть время поговорить.

– Мне не о чем с вами разговаривать, потому что вы... вы лжете и не говорите кто вы, и что вам от меня нужно.

– Разве я лгу? – его широкие и такие же темные, как и волосы, брови поползли вверх. – Я тебе не солгал еще ни на один вопрос. Я сказал, что не местный, и показал откуда пришел, но ты сам мне не веришь. И я также сказал, что мне нужно от тебя. Мне нужен твой дом и твое приглашение.

– С чего это я должен вас приглашать?

– А с того, что я могу помочь тебе. Скажем так услуга за услугу, я тебе – помощь в исполнении твоего желания, а ты мне – крохотный уголок своего дома.

– Кто вы? – выдохнул я.

Воздух становился все горячее и горячее, но, несмотря на это, мне показалось, что вот-вот должен подуть холодный, пронизывающий ветер, и я задрожал от неприятного предчувствия.

– Ты меня не знаешь и никогда не слышал обо мне. Здесь, в ваших краях, такие как я никогда и не были. Я пришел издалека, как видишь, совсем ослаб.

– Не похоже, что вы ослабли.

– Ооо, – заскрипел он, как старое поломанное дерево под порывом ветра, – ты не видел меня, когда я полон сил. Нет, я совсем другой. Долгое путешествие утомило меня, но я надеюсь, что оно того стоило. Сейчас мне нужен отдых и дом. Дом, дом – это очень важно, понимаешь? Многие его не ценят. Когда человек появляется на свет, он уже живет в доме, если, конечно, он родился, как говорят, не под самой хромой звездой. Люди воспринимают дом, как нечто должное, что у каждого он должен быть, а иначе просто не выживешь. Но дом – это не просто место обитания, это источник жизни и силы. У тебя он есть. И мне он сейчас нужен. Мы могли бы сделать обмен: я тебе дам то, что ты больше всего хочешь на свете, а ты мне дашь приют.

Противный, тяжелый комок застрял у меня в горле. Воздух стал невыносимо густым и тягучим, как кисель, и вдохнуть его с каждым разом становилось все сложнее. Я обернулся: мои пластилиновые овцы по-прежнему безмолвно стояли среди такой же застывшей травы.

«Наверное, старик сумасшедший. Сбежал с какого-то села и бродит сейчас, да и глупости рассказывает», – подумал я.

– Нет-нет, я не сумасшедший, – возразил он, будто прочел мои мысли. – Многим может показаться так, но поверь, мой разум ясен и чист, – он сощурился и посмотрел куда-то вдаль. – Тучи сгущаются там, на севере. Холодов не миновать, – потом он снова обратился ко мне: – Скоро ты перейдешь особый мост, отделяющий тебя от детства и ведущий по дороге во взрос-

лый мир. Это особенное время, и не каждому дается шанс воспользоваться тем, что тебе могу дать я. Ты можешь изменить всю свою жизнь. Каковы твои шансы стать кем-то иным в этой жизни? Ведь ты родился пастухом. Разве отец тебе позволит воспротивиться его воле? Ты сам знаешь ответ. Ты всю жизнь проведешь в этих холмах, под знойным солнцем и дождями. Твоя кожа навечно станет бронзовой и блестящей от палящих лучей. Твои руки высохнут и станут похожими на сухие, жилистые, плохо гнущиеся руки старика Бахмена. Твои светлые волосы станут цвета пожухлой, опрелой соломы, и самое страшное, твоя голова будет пребывать в темноте и незнании до самой смерти. Разве не этого ты боишься? Смотри, на тринадцать лет я могу подарить тебе подарок, но есть два условия. Эх, всегда есть эти глупые условия и правила! Ты можешь пожелать все, что хочешь, но только для себя. Только для себя! – старик вытянул вперед длинный сухой палец с блестящим, будто отполированным ногтем, – и второе, ты должен хранить тайну и никому не говорить о нашей встрече, а иначе ничего не получится.

– Допустим, я поверил во все, что вы сказали, но отчего-то сдается мне, что вам самим это больше нужно, чем мне. Вы запугиваете меня и пытаетесь уговорить.

– Аха-ха! – заскрежетал старик радушно и как-то искренне, словно я действительно сказал что-то смешное, и погрозил мне пальцем, – я не сомневался, не сомневался в тебе! Сразу видно, что ты умный парень, хоть и ни одной буквы не знаешь. Это все так, все так... Правильно говоришь, мне более тебя это нужно. Если не найду дом в скором времени, то исчезну я. Пшик и все! – он сжал кулаки и резко выпустил длинные тонкие пальцы вперед, – вот так вот и исчезну. Поэтому мне и нужен ты, а я нужен тебе. И вовсе не пугаю я тебя, а рассказываю то, что ты и сам знаешь, ведь ты же знаешь, какой будет твоя жизнь?

Старик ловко и шустро поднялся с земли, словно гибкая пружина, поправил на голове запыленную и чуть заломленную слева шляпу и продолжил:

– Мне не нужен твой ответ сразу. У тебя есть время подумать. Ты можешь попробовать одно желание на один раз. Остальное будет, когда договоримся. С меня – подарок, с тебя – прият. Ну вот, теперь пора.

Он повернулся и, насвистывая какую-то тихую мелодию, бодрым шагом направился в сторону села. Со спины, по его походке, трудно было догадаться, что он был стариком. Я долго смотрел ему вслед, будто не в силах был пошевелиться. Когда он скрылся за холмом, ко мне, виновато виляя хвостом, подбежал скулящий Орик.

2

К вечеру начал накрапывать дождь. Тучи пришли с севера. Я успел пригнать стадо к дому, когда стали срываться первые тяжелые и частые капли. Возле загона меня уже ждал отец. Его высокая, чуть сутуловатая фигура мрачным пятном выделялась на фоне серовато-сиреневого неба.

– Припозднился ты что-то сегодня, – сказал он, легко похлопывая овец по бокам, когда те беспокойной струей втекали в ворота загона. – Проблемы были?

– Нет, все хорошо, как всегда. Орик мне отлично помогает, – ответил я, потом задумался и зачем-то добавил: – Прощка сегодня упрямылся чего-то, не слушался.

– Этому барану давно пора на покой, он уже свое пожил. Как только холода наступят, зарежем его.

Я вздрогнул: нет, я совсем не хотел смерти Прощки, хоть он и действительно был упрямым и достаточно зловредным бараном, и даже я сам порой подумывал, чтоб он околел, но когда отец сказал эти слова, я почувствовал себя гадким предателем, так как своими словами окончательно подписал ему смертный приговор.

– Нет, он совсем чуть-чуть заупрямился. Мне кажется, он еще достаточно молодой. Он же...

– Неважно. Это решено, и нечего обсуждать, – отец строго оборвал меня, давая понять, что никаких возражений он не примет. – Ну, вот и отлично, – сказал он, когда все овцы были в загоне. – Скоро сам уже будешь пасти, уже совсем большой. А Бахмен... еще пару месяцев дам ему на отработку, по старой дружбе, а там уж и все. Это большая ответственность, сын. Овцы – наш хлеб и соль, наш дом и наше будущее. Твой дед тоже был пастухом, овец пас до самой своей смерти и умер в холмах. Он всегда говорил, что пастушья работа – это дело нелегкое, но достойное. Не каждый пастух становится хорошим пастухом. Это дело надо любить, чувствовать и понимать. У него был настоящий дар. Я верю, что у тебя он тоже есть, – отец сухо похлопал меня по плечу и чуть растянул губы в подобии улыбки. – Ну, идем, мать уже ужин накрыла.

Он вышел из сарая тяжелой походкой, гулким звоном отдающейся у меня в груди. Да, я должен был провести всю жизнь в холмах, на пастбище, хотел я этого или нет. Еще до моего рождения отец решил, что у него будет сын, который пойдет по стопам его отца. Конечно, мой старший брат не мог быть пастухом. Он по традициям нашего села должен был получить образование. Практически все дети, которым повезло родиться первыми, ходили в школу, получали знания и навсегда покидали наше затерянное в холмах село. Остальным же светила иная участь – прожить всю жизнь там, где родился, не умея читать и писать, и тяжело работать до тех пор, пока бог не заберет тебя в лучшее место. И иного выбора не предоставлялось.

Мне кажется, отец догадывался о том, как я мечтал о той жизни, которая была уготована моему брату. Всего пару раз мне удалось улучшить момент, когда в доме никого не было, и я смог пробраться в комнату к Богдану и прикоснуться к этим волнующим книгам, стоящим на полке, будто они были священными сосудами. О, этот незабываемый запах, схожий с запахом мокрого молодого дерева ранней весной! С каким трепетом я прикасался к обложкам, пролистывал такие разные листы страниц: тонкие и толстые, гладкие и шершавые, от которых, если их чуть царапнешь ногтем, пробегали мурашки. Как же страстно в те минуты я мечтал узнать, что же означают все эти черточки и загогулины ровным рядом выстроенные и по цепочке движущиеся от одной страницы к другой. Особенно радостно было отыскать картинки, так как они потом становились основой для моих придуманных историй. Вечерами, перед тем как погрузиться в сон, я, лежа на своем чердаке, воображал свой мир. Однажды, в одной толстой зеленой книге, я отыскал черно-белую картинку с изображением корабля и человека в странной боль-

шой шляпе, который, прищулив один глаз, держал возле лица длинную палку. Бахмен рассказал мне, что это, скорее всего, был мореплаватель, капитан, а палка была подзорной трубой, в которой можно было увидеть далекие земли и корабли. И с тех пор эта картинка в моем воображении стала любимой. Я чаще всего выбирал ее перед сном, представляя себя этим капитаном, первооткрывателем, увидевшим огромный остров с холмами, поросшими елями и другими деревьями, и на этом острове были люди, приветствующие меня красивыми пестрыми платками, похожими на мамины. Да, холмы присутствовали в любом моем воображаемом мире. За всю жизнь я всего раз покидал их, когда с отцом и братом ездил к тетке в другое село. Там холмов хоть и было поменьше, но ничего нового я для себя не открыл, разве что узнал, что тетка ненавидит отца и нас с братом тоже.

За ужином отец рассказывал, как удачно прошла его торговля на ярмарке, всегда проходившей по субботам в Низкогорье. Я тоже иногда ездил с ним туда, помогал с выкладкой мяса, шерсти и продажей вещей, связанных матерью. Но чаще всего туда ездил брат, и отец там присматривал ему необходимое для школы и покупал книги. И на этот раз он снова привез одну книгу, и мне предстояло выслушивать очередное хвастовство брата.

– Богдан, что за книгу купили? – с интересом спросила мать, улыбаясь бледными губами. У нее всегда были бледные губы и бледное лицо, будто ее кожа никогда не загорала.

– История древних цивилизаций. Учитель сказал, что мне нужны эти знания, если я хочу тоже стать учителем, а может даже и профессором, – ответил брат, бросая на меня многозначительный взгляд. Да-да, он знал, что я ловил каждое его слово.

– А что такое цивилизации? – смущаясь, спросила мать.

– Это, ну... эээ... – брат замялся и почесал шевелюру, – это такие люди, которые раньше жили, ну, они и сейчас живут. В общем, цивилизация – это народ, у которого есть что-то общее, например, одежда, язык или то, в какую церковь они ходят, в кого верят. Раньше была, например, цивилизация мана...ээ... майла. Да, майла. Они жили там, где тепло, на одной земле, далеко-далеко отсюда, через океан. У них был свой календарь, и они по-особому считали дни, не так как у нас. А еще они были кровожадными, совершали жертвоприношения.

– Ох, это так интересно! – с восторгом воскликнула мать.

Отец хлебал суп и довольно улыбался, с особой гордостью поглядывая на брата, всем видом показывая: «Смотрите, какой у меня умный сын, не зря учу, толк выйдет!». К сожалению, на меня никто так никогда не смотрел. Даже, если бы я собственными руками задушил волка, напавшего на нашу овцу, отец и то не посмотрел бы на меня так, как на брата. Ведь я же был всего лишь безграмотным пастухом.

Я давно знал, что брат и я имеем разное значение для него. Брат был его любимцем, воплощением его самого: крепким в плечах, с густыми темно-русыми волосами и красивым оттенком смуглой кожи. Отец так же, как и Богдан, был первенцем в семье, и дед дал ему хоть небольшое, но все же образование, которое помогло ему приумножить хозяйство, построить дом и выйти из рядов окружавшей его бедноты. В жены отец взял мою мать, несмотря на то, что дед был против, потому что моя мать была четвертым ребенком в семье и была безграмотной. Ей, как говорится, крупно повезло, что она вышла замуж за моего отца, да только я редко видел ее счастливой. Она всегда была тихой, с усталыми глазами и безропотной. Один раз я только слышал, как она попросила у отца разрешение, когда мне было лет десять, чтобы я подержал в руках книгу, привезенную им с ярмарки.

– Роди, пусть Иларий подержит книгу, ничего плохого не будет, он ведь ребенок, ему интересно, – сказала она.

Отец, пребывая тогда в хорошем расположении духа, согласился, да и то ненадолго, вскоре он нахмурился и забрал книгу, пояснив, что нечего глазеть на то, чего не понимаешь. Наверное, тогда мои глаза заблестели неприлично ярко, и он испугался, что я могу заразиться

каким-то книжным непослушанием, даже не умея читать, или у меня разовьется столь бурная фантазия, которая повредит моему становлению в настоящие пастухи.

Даже лицом я не походил на отца: у меня были светлые, тонкие волосы, голубые глаза и бледная кожа, как и у матери. Единственное, что я взял от него – это высокий рост. Я был очень длинным и худым, как жердь, что давало брату вечный повод для насмешек.

Дождь сильнее забарабанил по крыше и окнам.

– Завтра дороги размокнут, – сказал отец, – как бы на лошади проехать, а то придется пешком идти.

– А мы можем завтра не пойти туда? – спросил брат.

– Мы должны ходить в церковь. Я уже об этом говорил. Хватит того, что все и так думают, что мы живем, как отшельники. Люди должны знать, что мы такие же как и все. А что случается с неверующими, мы все знаем, на примере старика Бахмена. Да и вон, семья грузина, что поселилась возле старого тополя, мало того, что пришлые, так еще и в церковь не ходят, да и вообще, ведут себя неподобающе. Иларий, ты, кстати, с девчонкой грузина общаешься?

Я отрицательно покачал головой.

– Это правильно. Нечего тебе связываться с ними. Они чужаки. Свяжешься с такими, и тебя самого перестанут уважать.

После ужина я забрался на свой чердак и упал на старую, скрипучую кровать, стоявшую сбоку от окна. Единственное окно на чердаке выходило прямо на холмы, и луна всегда заглядывала ко мне, заливая все пространство бледным светом. Капли дождя настойчиво стучали, создавая особую мелодию, которую я очень любил слушать.

«Кап-кап-кап... пожелай все, что ты хочешь для себя, и я тебе дам».

Завтра было воскресенье, мой единственный выходной. В этот день стадо не выгоняли в поле, и мы вчетвером ездили на службу в церковь, которая находилась где-то посередине между нашим селом и соседним. Дорога до церкви забирала немало времени, потому что мой дом был крайним, стоял особняком возле самого подножия холмов, и ближайшими нашими соседями был дом старика Бахмена, слева, и дом того самого пришлого грузина, справа.

Вода лилась с неба до самого утра, а я лежал и смотрел на плоский, чуть желтоватый блин луны, так схожий с мамиными сырными лепешками, и думал. Думал о старике.

3

Рано утром ко мне на чердак заглянула мать и сказала, что пора собираться на службу. Я, чуть высунув голову из-под одеяла, закашлял.

– Наверное, я простудился. Голова болит, и в теле слабость, – прохрипел я.

Мать подошла к кровати, посмотрела на меня, нахмурилась, приложила ладонь к моему лбу и сказала:

– Хорошо, я скажу отцу, что ты заболел. Я тебе заварю сейчас травяной чай, и весь день тогда лежи в кровати.

– Хорошо, спасибо, мам, – обессилено прошептал я, а внутри ликовал – мой план удался.

Как только залаял Орик, я подскочил к окну: отец, мать и брат, сидящие в повозке, выезжали со двора. Утро было сырым, мрачным, серые облака заволокли все небо, а дождь мелкими каплями продолжал скользить по стеклу. Значит, минимум часа на четыре я оставался в доме один. Это, оказалось, так просто притвориться больным, чтобы не ехать на эту неприятную и утомительную службу. Мне иногда, конечно, нравилось слушать там какие-нибудь занимательные истории, которые рассказывал священник, но по большей части я не понимал, о чем толкует служитель – молодой приезжий мужчина в красивой одежде и с длинной бородой. Он постоянно говорил о каком-то смирении и покорности, если я их обрету, то откроются врата Божьи. Говорил о том, что все люди грешны, и все должны проводить больше времени в покаянии и молитвах. Я не чувствовал себя грешным, мне казалось, что я всегда таким был, сколько себя помнил, и ничего нового во мне не появлялось. Значит, я родился грешным, раз грех давался людям с рождения, а, следовательно, он был моей природой, как рука или нога, почему тогда я должен был каяться за то, чего не выбирал? И покорности я никакой не ощущал, как бы я не хотел обрести в своей душе смирение, я не мог признать волю отца единственной и правильной.

Как только повозка скрылась за поворотом, я оделся и с замиранием сердца побежал в комнату брата. С полки я взял толстую зеленую книгу, которая была моей самой любимой, потому что у нее были тонкие белые листы и приятная на ощупь обложка. Я открыл первую страницу. Она была немного измусоленной, и кое-где виднелись отпечатки грязных пальцев.

– Хочу знать, что написано в этой книге, – прошептал я, крепко зажмурив глаза. Мое сердце стучало, так, как стучит огромный, тяжелый молот кузнеца по наковальне. Я ждал, что на меня должно что-то обрушиться: мысли или зазвучат голоса, рассказывающие историю. Но нет, ничего не было. Я услышал только, как во дворе заскулил Орик. Открыв глаза, я разочарованно посмотрел на страницу: «Глупо было верить словам сумасшедшего».

Но тут перед моими глазами все поплыло, неведомые знаки собрались в единое целое, и я прочитал первое слово – предисловие. Для меня оно не имело тогда никакого смысла, но я четко осознал, что это слово не было придумано мной, что я его прочитал. Такая холодная дрожь охватила меня, которую я не испытывал даже тогда, когда попал под ледяной дождь и так промок, что провалялся неделю с высокой температурой, а мать думала, что меня уж и похоронит вскоре. В глазах потемнело, и я еле удержался, чтобы не упасть в обморок. «Не может быть», – прошептал я, впившись пальцами в книгу, и снова посмотрел на страницу. И опять одна непонятная закорючка подплыла к другой, пока все не слилось воедино и не стало цельным словом.

Так я прочитал одно предложение, потом следующее и следующее, пока не закончилась страница. Хотя я и мало что понял из написанного, но для меня это не имело значения. Я, как вор, огляделся по сторонам, облизал пересохшие губы и вдруг, только осознав произошедшее, подпрыгнул и закричал: «Я умею читать!». Выбежав на улицу, я подскочил к Орику, который

с удивлением смотрел на меня и вилял хвостом, и крепко обнял пса, отчего тот от радости еще сильнее завилял хвостом и начал облизывать мои щеки.

– Орик, я умею читать! Ты слышишь меня, дружище, я умею читать! – кричал я, и мне казалось, что пес отлично меня понимал. Он встал на задние лапы, а я, обхватив его передние, закружился с ним в танце. – Я умею читать! Ух, это невероятно!

Потом забежав снова домой, я сел на стул и продолжил. Я читал так, словно всю жизнь умел это делать. Вскоре зеленая книга показалась мне скучной и непонятной, и она была совсем не про путешествия, как я раньше думал. Быстро утратив к ней интерес, я без сожаления вернул ее обратно на полку и взял последнюю книгу, привезенную отцом – историю древних цивилизаций. Эта книга оказалась невероятно интересной, там же, в самом начале, я нашел раздел про тех людей, которых Богдан за ужином называл «майла», которые на самом деле назывались «майя». И на время, которое мне казалось тогда бесконечным, я погрузился в чтение. Передо мной открылся целый мир, и мне не было больше дела до всего остального.

Небольшие деревянные часы отца, стоявшие на комод в комнате, которую мы называли «большая зала», забили двенадцать. Нет, я не умел определять время, но знал, что родители и брат должны вернуться, когда толстая короткая стрелка будет стоять где-то вверху круга. Но с учетом того, что дороги сырые, они могли задержаться в пути. И я даже с удовольствием представил, как они увязнут в какой-нибудь глубокой луже, и лошадь не сможет тронуться, как они будут скользить по размякшей земле, все грязные и мокрые, пытаюсь вытолкать повозку. Тогда у меня было бы еще немного времени, но нет, вскоре Орик залаял на особый манер, означавший, что прибывают свои. Мой волшебный мир рухнул. Я машинально запихнул книгу под кофту, намереваясь стащить ее, но тут же осадил себя и вернул ее на место, так как брат наверняка бы заметил пропажу. Потом побежал к своей лестнице на чердак и запрыгнул с бешено колотящимся сердцем в кровать. Я должен был снова стать прежним мальчишкой-пастухом, глупым и необразованным. Хотя я уже знал, что скоро все изменится.

Заглянула мать, справиться о моем самочувствии. Я, насколько мог, успокоил дыхание, и, легонько покашливая, сказал, что уже чувствую себя немного лучше.

– Как прошла служба в церкви? – спросил я. – Что говорил отец Виттий?

– Сегодня он рассказывал нам об отроке Варфоломее, – улыбнулась мать, смотря куда-то в окно.

– И что же отрок Варфоломей?

– Это был мальчик, примерно такого возраста, как и ты. Ему плохо давалась грамота, и однажды в поле ему встретился один старик, который оказался святым. Старик помог Варфоломею в изучении грамоты, он благословил его, и Варфоломей со слезами молил, чтобы поселился старец в доме родителей его. В доме старца накормили, и он сказал, что бог дарует Варфоломею знания, чтобы он прославлял его.

– Он со слезами молил, чтобы старец поселился в доме родителей его? – повторил я, пребывая в оцепенении.

– Да, – легонько кивнула мать, – так и сказал: «Со слезами молил». А что ты так заинтересовался? Жалеешь, что не пошел?

– Да, жалею, – ответил я, и мать ласково потрепала меня по голове. Когда она собиралась уже уходить, я спросил: – Мама, так значит, святые все же есть?

– Наверное есть, но я их не встречала.

Как только мать вышла, мысли безумным вихрем пронесли у меня в голове: что если тот старик был святым, а я так нехорошо с ним разговаривал? Что если он проверял меня, насколько я добрый и милосердный, а я чуть не нагрубил ему и даже не подумал дать ему приют? Краска стыда залила мое лицо. Как я мог плохо думать о том, кто может творить такие чудеса! Ведь грамота не может быть от лукавого.

Я больше не мог лежать на чердаке, мне нужна была книга, и я знал только одного человека, который мог бы мне ее одолжить. Это был тот самый грузин, дом которого стоял возле старого тополя.

В прошлом году, когда я прогуливался с Ориком, я увидел смуглую темноволосую девочку, игравшую в тряпичные куклы возле покосившегося забора маленького ветхого дома. Я знал, что в том доме давно никто не жил, и с удивлением смотрел на девочку. Она тоже с любопытством поглядела на меня и помахала рукой. Так я познакомился с Софико, младшей дочерью грузина Ладо. Софико же познакомила меня со всей своей семьей, и с тех пор я, когда улучал время, приходил в гости к их дружной семье. Я знал, почему они жили обособленно, и почему мой отец и остальные жители недолюбливали их. Они были слишком ярким и жизне-радостным пятном в наших серых и скучных Холмах.

В семье Ладо было четверо детей: семнадцатилетний Тито, потом Тина, Софико моего возраста, и самым маленьким был Мамука пяти лет. Глядя на них, я узнал, что братьям и сестрам не обязательно враждовать и ссориться, что отцу или матери не обязательно выделять кого-то одного из них, ведь их любви хватит на всех. И самым необычным для меня было то, что все дети, за исключением, конечно, маленького Мамуки, ходили в школу.

Как быстрая тень пробегающего по холмам облака, я прошмыгнул до прихожей, запрыгнул в свои старые калоши, накинул прорезиненную куртку и ускоренным шагом направился в сторону дома Ладо. Ноги увязали в размокшей дороге, комки грязи отлетали и норовили залезть внутрь, и уже скоро я почувствовал, как по моим голым пяткам и пальцам размазываются сырые и противные комки земли.

– Дядя Ладо! – закричал я через забор. – Дядя Ладо!

В дверях дома скоро показалась высокая фигура мужчины.

– Иларий, что случилось? – обеспокоенно спросил он.

– Дядя Ладо, у вас же есть книги? – я решил не церемониться.

– Книги? – брови грузина удивленно поползли вверх. – Есть, а что?

– Дайте, пожалуйста, одну, любую, почитать. Мне просто почитать! – я готов был упасть прямо в грязь и умолять его.

– Почитать? Да ты же не умеешь читать или научился?

– Научился, дядя Ладо, научился!

– Да не кричи ты так, я же не глухой, – он радушно улыбнулся. – Раз научился, значит, найду тебе книгу. Пойдем в дом. Я уж-то думал, война началась.

На пороге, когда я снял свои калоши, он с укоризной покачал головой, увидев мои грязные ноги, и заставил вытереть их мокрой половой тряпкой.

– Так, какую бы тебе дать, – сказал он, озадаченно стоя возле шкафа с книгами. – Дам-ка я тебе самую лучшую и интересную книгу, мою любимую. Только смотри, к ней нужно относиться бережно, – он ухмыльнулся в черные пышные усы, ласково потрепал меня за волосы и протянул книгу с изображением тигра.

– Ух ты, с картинками! – я ликовал. Но как только я взял книгу в руки, случилось что-то плохое: знаки красного цвета, выдавленные на обложке, не слились в слово. С замиранием сердца и с болью в глазах, открыв первую страницу, я уставился на серый лист. Там было также – черные, выстроенные в ряды загогулины, не имевшие для меня никакого смысла. В тот момент я ощутил отчаяние сравнимое с полной потерей зрения. Лихорадочно я переворачивал страницу за страницей, и везде было одно и то же – ужасающее непонимание.

– Что-то не так? – спросил испуганно Ладо. – Тебе она не нравится?

– Нет, мне очень нравится ваша книга, спасибо большое, – я вытер нос рукавом курки и почувствовал, как щемящая досада все сильнее охватывала меня, что вот-вот я мог расплакаться.

–Тогда что случилось?

– Я... я нечаянно. Мне она уже не нужна.

– Но почему?

– Потому что я не умею читать. Простите меня, что побеспокоил вас. Я просто думал, что научился. Я пойду.

Засунув свои голые ноги обратно в мокрые калоши, я, сгорбившись, вышел из дома и услышал, как Ладо прошептал: «Бедный мальчик».

4

Ночью мне снился сон: я листаю книгу и пытаюсь понять написанное, но все страницы то оказываются пустыми, то я не могу расцепить слипшиеся листы, то буквы разбегаются и мне приходится их собирать. Проснулся я с гудящей, болезненной головой.

Утром к нашему дому, неловко ковыляя, подошел Бахмен. На нем неизменно были его потрепанные штаны, залатанные на коленках, серая рубаха, затертая от многочисленных стирок, и картуз, настолько старый, что он расплывался, как блин на его лысой голове.

Погода с воскресенья практически не изменилась. Было сыро, моросил дождь, и земля неприятно чавкала под ногами. Мы выгнали овец на холмы и остановились возле той самой акации, где два дня назад я повстречал старика. За спиной у меня висела сумка, в которой лежала теплая еда, приятно греющая тело. На завтрак и обед у меня были мои любимые сыр-ные лепешки. Они всегда у матери получались очень вкусными. Я достал две лепешки, одну дал Бахмену, а от своей отломил четверть и кинул Орику, и тот благодарно гавкнул. Мамины лепешки нужно было есть теплыми, потому что именно тогда появлялся мягкий сливочный вкус сыра.

– Эх, такие лепешки когда-то готовила моя жена, – вздохнул Бахмен, с наслаждением откусывая кусок и зажмуриваясь от удовольствия.

– Бахмен, скажи, а правда, что святые могут приходить к обычным людям, например, к таким как я?

– Святые? – удивился он. – Пожалуй, могут. Я, конечно, сам за свою немалую жизнь не встречал никого из святых, да слышал, что говорят, будто они ходят по земле, обратившись нищим стариком, и просят у людей милостыню, помощь или приют. И горе тем, кто им откажет, и будет счастье тем, кто приютит и накормит. За доброе дело они могут излечить от болезни, калек поставить на ноги, слепого сделать зрячим или одарить еще какой-либо благодатью.

– А ты сам веришь в это?

– Верю ли я? Эх, Иларий, моя вера ничего не стоит. Я потерял ее уже давным-давно, когда на руках у меня умерли совсем молодыми мои дети и жена. И я до сих пор, сколько живу, все думаю, зачем небо забрало этих прекрасных, добрых людей, совсем еще не поживших. И зачем живу я, глупый одинокий и жалкий старик? – он, прищурившись, смотрел далеко, туда, где начинались холодные синие горы. – Не все так просто в этой жизни. Святые, может, и есть, и ходят, да только вряд ли им есть дело до нас, мелких людишек, топчущих этот затерянный клочок земли. Да и чудеса, которые они могут сотворить... Что такое чудо? Ведь это чудо не может просто так появиться. За всю жизнь я усвоил одно правило: чтобы что-то у тебя появилось, нужно это заслужить. Если ты чего-то не заслужил, то не присваивай себе этого. Так, а почему ты спросил?

– Да так, просто тоже услышал историю, – ответил я.

Вечером случилась неприятность. Я споткнулся об непонятно откуда взявшееся под ногами полено и перевернул ведро с молоком. Это увидел брат и закричал, что я специально это сделал.

– Я нечаянно! – воскликнул я, понимая, что на сегодня и завтра мы останемся без молока, и отец меня за это точно не похвалит.

– Не ври, ты, глупая задница барана Прошки! Я видел, что ты специально! Я все расскажу отцу, и он тебя отлупит.

Я ждал кулаки: как же я ненавидел брата, когда он обзывал меня так. Мне не так обидно было получить порку от отца, как слышать это обзывательство. Оно было самое ругательное и гадкое из всех.

– Я говорил, чтобы ты больше никогда меня так не называл! – закричал я. – Ты сам задница барана Прошки!

– Аха-ха, ну нет уж, это я придумал, поэтому только я могу тебя так называть. Баран Прошка тупой, глупый и смешной, и хуже него самого, может быть только его задница. Так ты и есть его задница! – брат кривлялся и смеялся, и я не выдержал, схватил злосчастное полено и швырнул в него.

– Ах, ты дерешься? – заорал брат и запустил в меня ведро.

Я увернулся, ведро жалобно загремело по полу, и мы сцепились с братом в драке. На шум вскоре прибежал отец с большой палкой в руках, и мы быстро разбежались в стороны, так как понимали, что с отцом шутки плохи.

– Он перевернул ведро с молоком! Я видел, он специально это сделал, и еще первый кинул в меня полено, а он мог убить меня! – наябедничал брат, и довольно улыбаясь, смотрел, как отец, делая мне выговор, дал несколько затрещин, когда я пытался оправдаться.

– Сегодня ты останешься без ужина, – сказал отец, – это научит тебя смотреть под ноги. А если это не научит, и что-то подобное случится в следующий раз, то ты знаешь, что у меня есть дедовский ремень. Ты помнишь его? – гаркнул он, сверкая глазами.

– Помню, – кивнул я. Как же я мог не помнить этот тяжелый, толстый ремень, рассекающий кожу до крови, выделанный из грубой кожи быка. Тот день, когда меня впервые выпороли им, навсегда останется в моей памяти, как день, когда я узнал, что в мире нет справедливости. За одинаковую проделку я и брат получили разную взбучку. Брату, подбившему меня измазать смолой ступеньки, запретили выходить из дома несколько дней, а меня выпороли так, что я неделю не мог лежать на спине.

Мой желудок, оставленный без ужина, бунтовал, а я злился, невольно приюхиваясь к вкусному сладкому запаху, доносившемуся из кухни. Я злился на всех них: на отца, за его жестокость и нелюбовь ко мне; на брата, который никогда со мной не дружил, считая меня отбросом; и даже на мать за то, что она никогда не пыталась защитить меня, за то, что она всегда была слабой, невыносимо тихой и покорной. Они все были чужими для меня, а я был чужим для них. Я чувствовал, как горькое одиночество предательски защемило в сердце.

В пятницу, двадцать первого сентября, мне исполнилось тринадцать лет, а значит, старик должен был прийти снова. Вдруг я испугался, что старик больше не придет, ведь он мог посчитать меня плохим человеком, недостойным дара. «Что если я никогда больше не смогу читать? Это будет невыносимо, один раз попробовать и забыть навсегда? Нет, я так не смогу жить!» – думал я, и начал перебирать варианты, как я мог поступить. Самым невероятным вариантом было позволение отца обучаться мне грамоте. Вторым – найти человека, который мог бы согласиться помочь мне, а третьим – бегство. Я зажмурил глаза, представляя свою жизнь в скитаниях по холмам, чужим домам, не имея ночлега, и тут же отбросил этот вариант, как и первый. Оставался второй, и единственным человеком, который мог бы мне помочь – это был грузин Ладо.

Следующие три дня мы с Бахменом как всегда пасли овец. Погода наладилась, и снова выглянуло жаркое солнце, мигом просушив все дороги. Дни проходили тихо и без каких-либо событий. Я все время озирался по сторонам, ожидая появления старика, но он не появлялся. В пятницу у меня должен был быть выходной, это был подарок отца на мой день рождения.

В пятницу, рано утром, я проснулся по привычке весь в странном предвкушении: что-то должно было произойти. Выглянув в окно, я увидел, как Бахмен уже выгонял овец из загона своей неизменной кричалкой: «Геть-геть!», а Орик мельтешил сбоку, стараясь помочь. Вдруг Бахмен поднял голову и глянул в мое окно, я хотел помахать ему рукой, но в ужасе отпрянул. Вместо Бахмена на меня смотрел тот самый старик. Когда я решился вновь выглянуть, в серой дымке прохладного утра удаляющийся силуэт Бахмена вместе со стадом направлялся к склону холма.

День был обычным: дни рождения в моей семье не праздновали. Я помогал матери, разбирал хлам из погреба, рубил дрова и чистил сарай. На обед мать испекла пирог, и это за весь день был самый праздничный момент. И чем ближе дело шло к вечеру, тем сильнее я нервничал. Надежда, что старик появится, таяла с каждой минутой. Когда солнце начало клониться к горизонту, я сказал матери, что хочу прогуляться, и пошел в сторону дома Ладо. Я хотел именно сегодня узнать, мог ли мне он помочь.

Меня пригласили в дом, и я долго не мог объяснить, зачем пришел. И когда, собрав все свое мужество и расползающееся на глазах красноречие, я спросил о помощи, Ладо озадачился и погрузился.

– Прости, я не смогу тебе помочь, – сказал он. – Я знаю, у вас тут свои правила, и я не имею права в них вмешиваться. Что будет, если отец твой узнает? Он может сильно рассердиться. А нас и так здесь недолюбливают, ведь мы чужаки. Вот если бы он дал согласие на твое обучение, тогда другое дело.

Второй вариант рухнул: никогда и ни за что отец не дал бы такого согласия. Из дома Ладо я вышел на улицу, когда спустились сумерки. Было немного зябко и сыро. Первые звезды уже появились на небе. «Ну вот и все, – подумал я, – день скоро закончится, а это значит, быть всю жизнь мне безграмотным пастухом».

Я брел медленно по пустынной дороге, не замечая ничего вокруг, и думал о безрадостной жизни, ожидающей меня. Только когда в темноте, совсем рядом со мной, раздался крик ночной птицы, я вздрогнул и очнулся. Эта страшная птица с детства пугала меня своим жалобным и пронзительным криком, напоминающим стенания умирающего человека. Я, было, ускорил шаг, но тут же остановился – впереди стояла темная фигура и не двигалась.

– Добрый вечер, Иларий, – сказал голос, и я сразу же узнал его, это был голос старика. – Я надеюсь, ты ждал меня?

– И вам добрый вечер. Да, я вас ждал, – ответил я каким-то чужим голосом.

Старик приблизился, и я уже смог разглядеть его шляпу и очертания лица.

– Сегодня тебе исполнилось тринадцать. Я поздравляю тебя и хочу подарить тебе подарок, как и обещал. А ты хочешь принять его?

– Да, хочу, – проговорил я, и снова раздался крик птицы. Я сглотнул тяжелый комок, застрявший в горле. – Только я не знаю, как я смогу объяснить все это отцу.

– Ему не нужно будет ничего объяснять. Он ни о чем не узнает.

– А как же вы...

Старик еще больше вынырнул из темноты, и я увидел его глаза – темные и блестящие, как у ночного животного.

– Пусть тебя это не беспокоит. Самое главное то, что ты согласен. Это чистая формальность, – сказал он вкрадчивым голосом. – Ну что? По рукам?

– А я всегда смогу читать и подарок больше не исчезнет?

– Всегда. Ты получаешь его на всю жизнь. Ведь подаренные подарки не забирают, – он протянул мне сухую, жилистую руку, похожую на когтистую птичью лапу. Я, вздохнув, протянул ему свою руку, и старик крепко обхватил ее своими цепкими пальцами.

– Ай, вы поцарапали меня, – удивился я, почувствовав резкую боль: острый ноготь старика впился в мою кожу, и несколько капель крови выступили на тыльной стороне руки. Я хотел убрать руку, но старик задержал ее и своим пальцем стер кровь.

– Так нужно. Без крови нет сделки, – старик поднес палец с отпечатком моей крови к языку и слизнул его, а потом втянул с шумом воздух. – Теперь, с завтрашнего дня, все станет по-другому. Твоя новая жизнь начнется, ты спасен.

– Что значит, я спасен? – я, испугавшись, сделал шаг назад.

– Узнаешь. Сейчас еще не время, – загадочно ответил он.

– Кто вы? Вы не святой? – прошептал я, начиная дрожать от страха.

– Что? Святой? – старик рассмеялся. – Ах, это глупое человеческое стремление верить в чудеса! Оно неискоренимо. Вера в святых, бродяжничающих по земле в поисках чистых душ, – это мое любимое, – он перестал смеяться и, сдвинув темные брови, серьезно посмотрел на меня. – Нет, я не святой, как ты уже догадался, но я спасаю души.

Старик надвинул на лицо шляпу и растворился в темноте.

5

Всю ночь Орик жалобно подвывал и скулил, а я не мог заснуть. Тяжелое, щемящее чувство подсказывало: я сделал что-то плохое, нечто очень плохое. Дрожа от липкого, отвратительного страха, накрывшись с головой одеялом, я ожидал рассвета.

Утром, когда мы с Бахменом выгоняли стадо, Орик, как обычно, не суетился возле нас. Я нашел его в будке: он лежал и печальными глазами смотрел на меня. «Видно ты приболел, – сказал я и погладил собаку, – выздоравливай друг, вечером проведаю».

Я решил ничего не рассказывать Бахмену, поэтому на его вопросы, отчего я такой задумчивый, отвечал, что просто плохо спал, сны дурные снились.

– Обращай внимание только на сны, которые повторяются. Они важны, а остальное – это пустое, только голову морочат, – сказал он, улыбаясь и шурясь на осеннее теплое солнце. – Чай с травами и сухими ягодами, и все пройдет.

Когда я пришел домой, меня ждало плохое известие: мать сообщила, что днем Орик сдох, и отец закопал его. Я заплакал, я не мог поверить в это, ведь мой пес был еще слишком молод и еще день назад он был абсолютно здоров! И как же отец так мог поступить со мной? Это был мой лучший друг, я должен был его проводить в последний путь, а не кто-то другой. Моему горю не было предела. Я вышел из дома и пошел в сторону дома Ладо, по пути мне встретился его старший сын, Тито, который вез в небольшой деревянной телеге дрова. Обычно приветливый Тито на это раз был мрачен и неразговорчив. Он понял, что я по привычке снова иду к ним домой, остановился и сказал:

– Послушай, Иларий, ты хороший парень, но тебе не стоит к нам больше ходить. У нас из-за тебя могут быть неприятности. Извини, – он махнул рукой на прощание, давая мне понять, что мне больше не рады в его доме.

Но, побродив немного по пустырю, мои ноги все равно понесли меня в сторону их дома. Я сел возле старого тополя и глядел в их окна, откуда слышался веселый смех. «Наверное, они играют в «пожелайку», – подумал я, вытерев рукавом рубахи подступающие слезы.

Возвратившись домой и открывая входную дверь, я услышал громкие крики отца и инстинктивно втянул голову в плечи. Случилось что-то плохое, и интуиция подсказывала мне, что в этом был виноват я. На кухне стоял отец и, грозно размахивая руками, бранился на бледную мать, а брат сидел на лавке, вжавшись в стену. «Дело плохо», – успел подумать я до того, как отец, заметив меня, рявкнул:

– Кто тебя, мелкий подлец, научил шляться по чужим домам и жаловаться на свою жизнь? А?! Ты что себе выдумал? Можешь напеть какому-то остолопу грузину, и тебе жить станет лучше? Говори мне!

– Я ничего не говорил ему, – прошептал я, и тут же отец пересек в два шага расстояние до меня, схватил за плечи и начал трясти, как тряпичное огородное пугало, словно его целью было вытряхнуть всю солому.

– Не ври, щенок! Что ты ему говорил? Я хочу, чтобы все здесь знали, как ты поносишь свою семью перед чужими, неблагодарная ты падаль!

В моем плече что-то хрустнуло, и отец, словно этот звук удовлетворил его, отшвырнул меня к стене, и я упал, ударившись головой.

– Ты клянчишь у проклятого грузина помощи и очерняешь свою семью? – его глаза налились кровью, и я подумал, что он наверняка убьет меня. – Ты ублюдок, я кормлю тебя, даю тебе крышу над головой, ты ни в чем не нуждаешься, а ты оговариваешь отца?

– Я кормлю вас тоже, – тихо сказал я, и ужаснулся своему бесстрашию. «Пусть убивает», – промелькнула мысль. Разом мне все равно стало на свою жизнь, и я решил сказать все, что думал, и пусть что будет.

– Что? Что ты сказал? – прошипел он.

– Я говорю, что кормлю вас тоже. Каждый день пасу овец, выполняю тяжелую работу. За овец вы получаете деньги, и Богдан учится, ты покупаешь ему книги. И я... я не жаловался Ладо. Я спросил только, может ли он научить меня читать. Это все, что я хочу! Я буду пасти овец до тех пор, пока не состарюсь и умру, но я хочу уметь читать. Что в этом плохого? И моя собака... почему ты похоронил ее без меня? Это был мой пес, мой друг! Только я имел право его хоронить! Ты знал об этом и специально не дал мне возможности даже попрощаться с ним. Почему ты хочешь отобрать у меня все? Я и так выполняю все твои приказы, почему мне нельзя дать хоть немного из того, что ты дал Богдану? Почему ты меня так не любишь? – дикая злость, подступавшая к горлу откуда-то с глубин, затмила весь мой разум, и я уже ничего не соображал.

Отец подскочил ко мне, поднял с пола и отвесил мощную оплеуху, что я еще раз отлетел и упал. Следом последовала еще одна оплеуха, и еще одна. Он все поднимал меня, а я все отлетал и падал. Мать завывала, брат тоже что-то кричал, но я уже не слышал. Страшный звон колоколов стоял в ушах и разрывал мою голову, которая, как мячик прыгала в разные стороны. И каждый раз, когда рука отца со всей мощи била меня, я думал, что вот-вот сейчас наступит смерть, но я почему-то не умирал, гулко шмякался на пол и снова поднимался.

Из моего носа уже текла жидкая кровь, когда за спиной отца, нагнувшегося ко мне, чтобы снова поднять и ударить, я заметил старика. Он, сверкая глазами, смотрел на меня, а потом шагнул вперед.

– Я убью тебя, щенок, – прорычал отец, схватив меня за ворот рубахи. – Ты будешь делать то, что я скажу, если... – вдруг мускулы его лица подернулись, и он, выпучив безумные глаза, захрипел. Потом схватился за грудь, согнулся, шатаясь, дошел до стула и рухнул. Я тоже упал и, прислонившись головой к стене, закрыл глаза: «Старик в доме».

Несколько дней я провел лежа в кровати в странном, полусознательном состоянии: все тело болело и ныло, и я с трудом переворачивался в постели. Мне казалось, что все моя голова представляла сплошной раскаленный чугун, готовый лопнуть от боли, а левая рука плохо двигалась, заклинив где-то в том самом хрустнувшем плече. Мать приносила мне еду, обтирала голову мокрыми тряпками и, чуть посидев возле меня, уходила.

– Иларий, что же ты наделал? – сокрушенно качая головой, сказала она. – Ты же знаешь, что ему нельзя перечить? Ты молчал бы, и ничего не случилось бы. Ты только не сердись на него, он не такой уж и плохой. Он ведь старается. Посмотри, как другие живут? У нас-то и дом есть, и еда каждый день, и не нуждаемся ни в чем, а у других-то намного хуже. И ничего, что у него нрав тяжелый, ты только слушайся его и не сердись, – приговаривала она, но я не хотел ничего и никого слушать. Я отвернулся лицом к стене, и мать ушла.

На день четвертый головная боль немного стихла, но я все еще был слаб и, вставая, чувствовал, как под ногами плывет земля. Я ожидал, что утром ко мне заглянет мать и принесет завтрак, но утром она не пришла, как не пришла и в обед, и я решил сам пройти на кухню и даже не знал как себя вести, если увижу там отца. Но на кухне я увидел брата, он сидел за столом ко мне спиной и смотрел на подоконник, где в горшке стоял распутившийся цветок.

– Ты живой и даже не так плохо выглядишь, как я думал, – сказал он как-то отстраненно, даже не посмотрев на меня.

– А ты разве не должен быть сейчас в школе? – спросил я, заглядывая в кастрюли в поисках приготовленной пищи.

– Я туда больше не пойду. Мне там не нравится.

– Что? – я несказанно удивился. – Неужели тебе отец разрешил это?

– Да, он совсем не возражает, – Богдан повернулся ко мне и сказал: – Можешь не искать еду, ее нет со вчерашнего дня.

И тут я только внимательно посмотрел на его лицо. Его обычно смуглая, пышущая здоровьем кожа, приобрела бледно-желтоватый оттенок, под глазами залегли плотные, синие тени, будто он не спал несколько дней, а на голове, среди волос, затаись подозрительно серебристые паутинки.

– Что с тобой? Ты заболел? – спросил я.

– С чего ты взял? Я отлично себя чувствую. Лучше, чем всегда.

– А где мама? С завтрака ничего не осталось?

– Она сказала, что ей надоело готовить.

Удостоверившись, что брат не обманывает, так как ни в одной кастрюле я не нашел остатков утренней каши, молока или супа, я взял с полки уже начинавший черстветь кусок хлеба и с удовольствием грызя его, пошел искать мать. Я нашел ее сидящей на заднем дворе. Она глядела на засохшие и почерневшие круги подсолнуха и тоже, как и брат, болезненно выглядела. Безразлично посмотрев на меня водянистыми, голубыми глазами, она подтвердила слова Богдана. Я, проглотив голодную слюну, и ничего не понимая, вернулся к себе на чердак.

На следующее утро я решил, что непременно, несмотря на слабость и боль, я должен выйти на пастбище. Спустившись на кухню, я разжег печь и поставил горшок с водой: нужно было сварить хоть что-нибудь – есть хотелось невыносимо. Мать утром не появилась на кухне, впрочем, как и отец с братом. Наспех поев недоваренную перловку с сухарями, я вышел на улицу встречать Бахмена. Он удивился, увидев меня с красноватыми подтеками на лице, и спросил, что со мной приключилось.

– Бахмен, я кое-что скрыл. Боюсь, с моей семьей происходит что-то плохое. Они все ведут себя странно и выглядят плохо, – не выдержав, сказал я и рассказал о встрече с таинственным стариком и том, что произошло после.

– Значит, ты, говоришь, впустил его в дом и теперь можешь читать? – спросил он, нахмурившись.

Солнце еще не выглядывало из-под серых туч, плотным покрывалом застеливших все небо. Легкий, чуть прохладный ветер раздувал длинную седую бороду Бахмена, когда мы погнали овец на холмы.

– Да, впустил, только я думал, что все будет по-другому. Я думал, что я такой же как отрок Варфоломей, а он святой, который творит чудеса. И я не знаю, умею ли читать, но в первый раз точно мог.

– Чудеса... – протяжно пропел Бахмен, задумавшись. – Иларию, ты хороший, добрый мальчик, но ты не отрок Варфоломей. Закон природы таков – нельзя ничего получить просто так, не отдав что-то взамен. Как мы возвращаем хлеб, отдавая за это свое время, силы, как птица ищет пропитание, взмахивая тысячи раз за день крыльями, так и ты должен был стараться и трудиться, чтобы постигнуть азбуку. Грамота никому никогда не давалась еще легко. Это тяжелый, нелегкий труд. За все нужно платить на этом свете. Это я сейчас, старый, толкую так. А когда я был такого возраста как ты, когда началась война на моей родине, моей семье пришлось бежать, и я столько много работал, что об учении и не мечтал. Я хотел только, чтобы на завтрашний день у меня был кусок хлеба. И я тоже, как и ты, если бы мне встретился чудной старик, пообещавший, что я никогда больше не испытаю страшного голода, от которого сворачиваются все внутренности, в обмен на кров, я бы тоже дал бы ему кров. Я бы тоже поверил... Вот, неискоренимая человеческая вера в чудо, в доброту незнакомцев... Это мне потом аукнулась моя вера в доброту людей, а пока беда нас не коснулась, все мы глупцы. Чудеса, чудеса, – повторил он, поглаживая бороду. – Ты пока не отчаивайся, авось, этот старик не тот, о ком я подумал.

– А о ком ты подумал?

– О джиннах. Это злые духи. Там, откуда я родом, их боятся. Говорят, они могут творить как добро, так и зло. Это все зависит от того, что им больше по душе будет. Надо признаться,

что я в них тоже не верю. Все это не больше, чем слухи, но если допустить, что джинны существуют, то...

– Что то? – испугался я.

– А то, что ты пригласил его в дом. Дал согласие. Вы заключили сделку – дар в обмен на жилье. Значит, выгнать его нельзя. Да и как выгонишь джинна, того, кого нельзя увидеть, если он этого не захочет? Но ты не отчаивайся пока, надо понаблюдать, если он появится снова, то мы, авось, что-нибудь придумаем.

В холмах мы помянули нашего словного пса Орика, разделив скудный обед Бахмена.

Вечером, зайдя в пустую кухню, я обнаружил непривычный беспорядок: грязные миски лежали, нагромоздившись друг на друге, на полу валялась ложка с остатками каши, а самой каши, которую я сварил утром, уже не было. Я услышал шаги и обернулся. Мимо проходил отец, я так и не видел его с того самого дня. Он зашел, и я невольно вздрогнул. Вздрогнул, как и от страха, так и от того, в каком виде он предстал. Его всегда гладко выбритый подбородок покрывала жесткая порось, а на висках проступила седина. Одежда выглядела крайне неопрятно, будто засаленная и испачканная в чем-то. И более всего пугающими были его глаза. Если бы в них я увидел привычный недобрый огонек или сухую жесткость, то я бы понял, что с отцом все в порядке. Но нет, в его глазах не было жизни, они были пусты, безразличны и будто меня и вовсе не было перед ним.

– Ну-ну, – сказал он надтреснутым голосом и вышел, шаркая ногами.

6

Обстановка в доме с каждым днем становилась все хуже. Мать изредка все же готовила что-то, но это было трудно назвать едой, но, впрочем, это не мешало отцу и брату поглощать без разбора ее стряпню. Всех перестали интересовать дела по дому. Отец не спрашивал ничего про овец, не заходил в сарай и загон, когда мы с Бахменом выгоняли и пригоняли стадо, не поехал в субботу на рынок продавать молоко и сыр. Мать перестала прясть пряжу, доить овец и убираться в доме. В воскресенье никто не пошел на службу. Дом пришел в запустение. Даже брат перестал меня дразнить и обзывать, он все чаще просто сидел, запершись у себя в комнате. Я пытался делать кое-какие дела по дому, но мои силы были ограничены. И я с ужасом понимал, что моя семья меняется не только внутри, но и внешне: у них странно заострились носы, а глаза будто впали, и вокруг них появились бороздки, характерные пожилым людям. Вечером, в понедельник, когда я зашел на кухню, чтобы приготовить еду, там сидела растрепанная мать, одетая в ночную рубашку, и смотрела на стол, поверх грязных, загромодивших все, мисок.

– Мам, ты плохо выглядишь. Что с тобой? – спросил я.

– Со мной все хорошо, даже очень хорошо, – сказала она, едва улыбнувшись, и ее бледная кожа сморщилась. – Я переосмысливаю и готовлюсь.

– К чему готовишься?

– К новой жизни, – она посмотрела на меня так жутко, что я отстранился и, забыв про голод, убежал на чердак.

Мою семью поразила болезнь. Непростая болезнь. То, что в этом был замешан старик, я не сомневался, как и в том, что смерть Орика тоже была делом его рук.

Во вторник Бахмен зашел к нам. Отец не вышел с ним поздороваться, а только отвечал на вопросы неохотно, сидя в неосвещенной комнате. Когда он все же вышел, глаза Бахмена округлились, и он прошептал: «Не может быть».

– Иларий, плохо дело, плохо, – озадаченно проговорил Бахмен, когда мы вышли из дома. – Отец твой-то на старика становится похожим, да и разумом повредился, а ему-то всего, насколько я знаю, нет и сорока. Это джинн здесь постарался. Ну и дела, в жизни ничего подобного не видел, а тут такое, – забормотал он. – И как же дурно в доме твоём находиться, будто дышать нечем, – он расстегнул ворот рубахи.

– А что же делать, Бахмен?

– Я подумаю, мой друг, подумаю, – он закашлял и, ободряюще похлопав меня по плечу, спешно поковылял домой.

«Он сам не знает, чем помочь», – подумал я и, тоскливо окинув взглядом свой дом, мрачный, залитый будто чернилами, решил, что не хочу там находиться. Я не хотел признаваться самому себе, что мне было страшно. Я боялся дома и родителей, и медленно побрел в сторону дома Ладо. Там было место, которое успокаивало меня, и разом мне стало все равно, хотели ли меня там видеть или нет. Я сам в тот момент был нищим, одиноким и глубоко несчастным стариком, так отчаянно нуждающимся в добром, полном любви доме.

Какое-то время я бродил возле тополя, ходил туда-сюда бесцельно, потом шел дальше и снова возвращался. Вдруг, я увидел, как из дома вышел Ладо, держа в руке ночник, и, отворив калитку, направился к тополю, где я сидел.

– Иларий, это ты? Ты чего так поздно здесь бродишь? У тебя что-то случилось? – его голос был таким мягким и заботливым, что я готов был расплакаться: никогда со мной так не разговаривал отец. Он, разглядев мое лицо, сказал: – Пойдем в дом, там расскажешь.

Домашние Ладо не удивились, увидев меня, а повели себя так, будто ожидали, что к ним заглянут гости. Они как раз запозднились и собирались ужинать. Я знал, что они жили беднее, чем мои родители, и часто им самим не хватало еды, но они усадили меня и налили такую

же порцию супа, как и всем. Отчего я снова чуть не прослезился, так милы и добры были эти люди ко мне, к чужому мальчишке. «Проклятые слезы», – подумал я, черпая ложкой невероятно вкусную похлебку, ведь я уже несколько дней не ел ничего лучше, чем недоваренную или подгорелую кашу – мои познания в кулинарии были слишком ничтожны. После ужина Ладо провел меня в комнату и, нахмурившись, сказал:

– Я знаю, что Тито тебе говорил, но ты не обижайся на него, он хотел всего лишь защитить всех нас. С твоим отцом у меня произошла ссора, на базаре, когда мы продавали стулья. Я не думал, что он так разозлится, когда я всего лишь спросил о тебе и начесть твоего обучения. Твой отец начал кричать и грозить, что выселит нас с Холмов. Он всячески обзывал мою семью, и даже собралась толпа, которая начала поддерживать его. Я надеюсь, тебе не сильно досталось из-за моей глупости?

Я соврал, что ничего страшного со мной не случилось, хотя мысленно содрогнулся, вспомнив оплеухи отца. Потом, собравшись с духом, я рассказал о старике. Во время моего рассказа, Ладо, накручивая на палец длинный ус, задавал уточняющие вопросы и хмурился, его карие большие глаза то округлялись, то озадаченно суживались. Потом он резко встал со стула, взял книгу с полки и, протянув мне, сказал:

– Прочитай что-нибудь.

Взяв книгу в руки, я вдруг испугался, что Ладо обвинит сейчас меня во лжи: вдруг я не умел читать и, значит, он может посчитать, что и все остальное тоже вранье. Я побледнел и, открыв первую страницу, приблизился ближе к навесной керосинке. В глазах потемнело: я ничего не видел, а только чувствовал, как выжидающе смотрел на меня Ладо. «Надо что-нибудь сказать», – подумал я и трясущимися губами произнес:

– В начале июля... – я замер, облизнул пересохшие губы и продолжил: – в чрезвычайно жаркое время, под вечер...

Когда я дочитал предложение и поднял голову, Ладо ошарашено взирал на меня, потом забрал книгу и сам пробежался глазами.

– Невероятно! – воскликнул он. – Но как такое возможно? – он зашагал кругами по комнате. Я все смотрел на него и ждал, когда он опомнится. Потом вдруг он остановился и сказал: – Иларий, я сейчас даже не смогу тебе ничем помочь, мне нужно подумать. Все это не поддается никакому логическому объяснению.

От Ладо я вышел, когда стрелки уже приближались к десяти вечера. Подходя к своему дому, я почувствовал волну нахлынувшего холода: меня никто там не ждал, в окнах не горел свет. Нащупав на полке, возле входа, керосинку я зажег ее, и какой-то безотчетный, давящий страх медленно пополз под моей рубашкой. Скрипнула половица. Тихо, стараясь не шуметь, я прошел через залу и направился к лестнице на чердак. Никогда раньше я не боялся теней, отбрасываемых от огня, но в этот момент больше всего я страшился заметить, в одном из пляшущих на стене бликов, лицо старика. И если бы я увидел его, я точно знал, мое сердце разорвалось бы от ужаса. Но как только я поднялся на чердак, я замер, и липкий, холодный пот выступил на моем лбу. На моей, освещенной лунным светом, кровати сидела темная сгорбившаяся фигура. Прежде чем я успел открыть рот, фигура сказала голосом моего брата:

– Где ты так долго был?

– О, боже, Богдан – это ты? – на дрожащих ногах я подошел ближе, чтобы свет от керосинки осветил лицо брата. Да, это был он. – Что... что, ты здесь делаешь? Ты ужасно напугал меня, я чуть с ума не сошел от страха.

– Жду тебя. Где ты был?

– Да, ждешь? Но зачем ждешь? Почему ты не у себя, почему не спишь?

– Я захотел поговорить с братом. Ты же не против поговорить с братом? Так, где ты был? – настойчиво повторил он.

Мои зубы так громко и бешено стучали, что мне показалось, он наверняка понял, что мне страшно. «Это не мой брат», – проскочила мысль, и я задрожал еще сильнее.

– Я? Я гулял. Просто гулял.

– Ты замерз?

– Да, немного.

– Давай поговорим. Садись, – он показал рукой на место возле себя. Я кивнул, поставил керосинку на пол, и сел на стул напротив. Лицо брата от лампы осветилось снизу вверх и стало напоминать искривленную гримасу покойника.

– Как у тебя дела с овцами?

– Хорошо. Почему ты спрашиваешь?

– Твой же пес сдох. Ты так любил его, наверняка тяжелее приходится.

– Да, так тяжелее. Ты перестал ходить в школу. Почему?

– Мне никогда не нравилось ходить туда. Это все отец. Он хотел, но не я. У меня нет способностей к учебе. И я знаю, что ты хотел бы быть на моем месте.

– Да, хотел бы, не буду скрывать.

– Теперь у тебя представится такая возможность.

– С чего ты взял?

– С того, что я скоро уйду отсюда. Мне нужно будет уйти.

– Но куда ты пойдешь?

– Пока не знаю. Но уйти придется точно, я это чувствую, – фигура брата наклонилась вперед и прошептала, – во мне что-то живет.

– Что? Что в тебе живет? – тоже прошептал я, замирая от ужаса.

– Пока не знаю, но это с каждым днем становится все сильнее. Я с каждым днем умираю, а оно растет. Я старею, Иларий. Мне пятнадцать лет, но я старею. Этого же быть не может? Моя кожа обвисает и морщится. У меня растет какой-то горб. Мои ногти желтые и слоющиеся, как у старика. Скоро я уже не буду похож на себя. Понимаешь? Все это началось после твоего дня рождения. Ты что-нибудь знаешь об этом?

– Богдан, прошу, послушай меня внимательно, – вскрикнул я, упав на колени перед ним и обхватив его ледяные, шершавые руки. – Нам всем нужно уехать отсюда. Мы все в опасности. Это я виноват во всем. Я пригласил одного старика в наш дом. Я просто хотел научиться читать! Я не хотел никому зла. Прости меня. Я разговаривал с Бахменом, он сказал, что мы что-нибудь придумаем. Мы найдем способ изгнать его из нашего дома. Я подумал, что можно позвать священника.

– Хи-хи-хи...

Я поднял голову: брат скорчил гримасу, похожую на улыбку, и выставил желтые зубы. Его смех стал еще громче, и он уже хохотал, как каркающий ворон.

– Я же знал, что это ты! Ты всегда был недоумком, и теперь еще больший недоумок, точь-в-точь как задница барана Прошки! А Бахмен твой старый, жалкий и безграмотный тупица. Что он может знать об этом? Священника ты позовешь, – Богдан зашелся в новом приступе хохота, – твой священник здесь бесполезен. Так как он теперь – это весь дом. Весь дом ему принадлежит. Он пропитался в него, как масло в хлеб, в каждую стену, в каждую деревяшку и половицу, – вдруг брат резко прекратил смеяться и вытянул худую шею с заострившимся кадыком, похожим на куриный коготь, в сторону лестницы. – Слышишь? Кажется, он идет.

Действительно послышался тихий скрип лестницы, словно наступила нога человека. Еще один скрип. Скрип.

Не помня себя, я бросился к окну. Богдан схватил меня за ногу и закричал:

– Помоги мне! Мне нужно знать, кому скоро исполнится тринадцать?

Уцепившись за раму, я попытался оттолкнуть брата.

– Скажи мне имена, и я отпущу!

– Нет! – закричал я, разглядев тощую руку, появившуюся в проеме чердачного входа. Кто-то полз наверх и вот-вот должен был подняться. Со всей силы оттолкнув брата, я распахнул окно и прыгнул, упав на черепицу, покрывавшую коридорный навес, перекатился, и рухнул на землю. Покатая крыша навеса спасла меня: я упал с небольшой высоты. Быстро поднявшись, я посмотрел в чердачное окно. Там было уже темно, свет от лампы больше не горел. Я побежал в сторону сарая. Почему-то я чувствовал, что там буду в безопасности. В сарае я упал на стог сена, которое тогда мне показалось мягче любой постели, зарылся в него и незаметно для себя заснул, точно провалился в глубокую яму.

7

Проснулся я от беспокойного блеянья овец. По солнцу я понял, что давно уже наступило время пастбища. Бахмен отчего-то утром не пришел, а сам я чувствовал себя таким разбитым, что о выгоне овец и речи быть не могло. Подкинув животным корма и сена, я услышал шум, доносящийся с улицы, будто кто-то подъехал к дому, и выглянул. Возле ограды действительно остановилась коляска, и два человека вышли из нее. Одного я узнал – высоким худощавым, в серой фуражке был Ладо, а другой, крупный, невысокого роста мужчина был мне не знаком.

– Здравствуй, Иларий, – поздоровался Ладо, когда я подошел к ним. – Ты что, в сарае ночевал? – он вытащил из моих включенных волос несколько сухих веток травы и представил второго человека. В тот момент я уже вспомнил его. Однажды, когда я с отцом был «Низкогорье», к нам подошел этот самый человек. Он купил у нас сыр и мясо. Тогда отец пояснил мне, что это староста нескольких селений, и он очень богат. К нему многие обращались за денежной помощью, но отчего-то отец добавил, что как бы худо не было, лучше к нему никогда не обращаться. Звали его все просто Милон.

Мужчина добродушно кивнул мне и, прокашлявшись, направился к дому.

– Он может помочь, – сказал Ладо, когда староста, постучав несколько раз в дверь, и не дождавшись ответа, зашел внутрь. – Все, что ты мне вчера рассказал, Иларий, звучит очень неправдоподобно, но я тебе верю. Я всю ночь думал, чем бы тебе помочь, но сам я не могу, ты ведь знаешь. Мне говорили, что, если какие проблемы, то лучше обратиться к Милону. Не зря же он заправляет всеми Холмами. Может, врача пришлет или еще чем поможет. Да и добрый он вроде, как только я рассказал ему про твою беду, так сразу и сказал: «Запрыгивай в коляску, проведем парнишку». И даже поблагодарил за то, что я хоть и чужак да стараюсь помочь местным.

Милон пробыл в доме недолго. Он торопливо вышел, крепко схватившись обеими руками за свою сумку и нервно откашливаясь, словно в горле застряла кость, быстро заговорил:

– Не понимаю, не понимаю. Я такого никогда не видел. Мальчик, – вкрадчиво обратился он, положив руку на мое плечо, – насколько я знаю, твои родители должны быть еще совсем молодыми? Но, что же за болезнь с ними приключилась? Я ведь помню, месяц назад видел твоего отца, и он был совершенно здоров и полон сил, а сейчас... А твоя мать? Она скорее похожа на мою мать, царство ей небесное! Они... – он понизил голос до шепота, бросил взгляд на окна дома, словно боялся, что его могут подслушать, – они, как мне кажется, сошли с ума. Да, да, они не только заболели, но и умом тронулись. Твой отец спрашивал у меня какие-то глупости, все о каких-то двенадцатилетних детях твердил, которым должно скоро исполниться тринадцать. Здесь определенно имеет дело сумасшествие. Я попробую поискать врача по душевным повреждениям, да и по телесным тоже, но боюсь, дело плохо. У тебя есть ближайшая родня, мальчик?

– Тетка только, – буркнул я. Мне отчего-то совсем не понравился этот человек с бегающими глазами и маслянистым довольным лицом.

– И что же тетка, далеко живет?

– Далеко, день ехать от «Низкогорья». Да и не любит она мою семью.

– Эх, эх, – сокрушаясь, покачал головой он, – ну, не отчаивайся. Дай бог, поправятся твои родители.

Милон залез в коляску, стоявшую на обочине, маленький, худосочный кучер тронул поводья, и лошадь, фыркнув, укатила их вверх по дороге.

Я едва успел переглянуться с Ладо, как из дома, шаркающей походкой, вышел отец. Издалека его совсем можно было не узнать, если бы не знакомая мне одежда: старый, местами порванный вязаный свитер для домашних дел, который еще давно ему связала мама, и широкие

штаны с вытянутыми коленками. Его волосы, практически седые, были не чесаны, торчали в разные стороны, а лицо покрывала сеть мелких морщин. Но, несмотря на всем перемены в нем, он не выглядел больным, а наоборот, производил впечатление здорового и бойкого человека, но только не мужчины в самом расцвете сил, а уже достаточно пожившего пожилого человека.

Ладо ступевался, не зная, как себя вести, то ли быстро уйти, то ли все же поздороваться, но отец, не обращая совершенно никакого внимания на него, словно его и не было, обратился ко мне:

– С каких это пор ты стал бояться своего дома? Хватит уже бегать от нас. Мать беспокоится, почему ты не ночевал дома. Она обед сготовила. Пойдем, ты наверно же голодный, – он махнул рукой, приглашая меня в дом.

Если бы не все эти странные изменения, можно было бы подумать, что мой отец вдруг подобрел, переосмыслил жизнь и решил стать заботливым, любящим отцом. Он еще раз махнул рукой и выжидающе посмотрел на меня.

– Ну же, заходи, не заставляй свою семью ждать.

И я пошел за ним, на полпути обернувшись, я увидел, как Ладо многозначительно кивнул мне: «Будь осторожен».

В доме вкусно пахло приготовленной пищей. На кухне мать, непривычно сгорбившаяся и похудевшая, стояла над печкой и что-то помешивала в кастрюле. Ее волосы по-прежнему были растрепаны и так же, как и волосы отца серебрились у висков и у корней.

– Ах, вот и ты, – воскликнула она, улыбнувшись, и кожа вокруг ее глаз собралась в мелкие паутинки, – а мы уж думали, куда ты убежал? Сейчас будет обед, мы сейчас все пообедаем, – бормотала она, копошась возле корыта с грязной посудой.

Я сел за стул и краем глаза наблюдал, как она доставала из корыта грязные чашки и ложки.

– Вот, смотри, что я приготовила, – она поставила на стол тарелку с сырными лепешками, – твои любимые.

Мое сердце радостно затрепетало, и я, не раздумывая, схватил одну лепешку и с жадностью откусил. И тут же все выплюнул на руку: внутри проглядывала отвратительная зеленая плесень. Чуть не заплакав от обиды, я запихнул ее в карман рубашки, пока не видела мать, которая что-то напевала себе под нос.

В кухню зашел отец, а следом за ним брат, и я вздрогнул, припомнив вчерашнюю ночь. Брат безразлично посмотрел на меня, но мне показалось, что он спрятал ухмылку. Мать разнесла грязную посуду с остатками засохшей пищи и поставила посередине стола кастрюлю с дымящимся супом. Поочередно все потянулись наливать себе суп. Мой желудок призывно заурчал, и я, несмотря на брезгливость к не чистой посуде, потянулся тоже к половнику, зачерпнул и уставился с отвращением на куриную голову, плавающую в золотистом бульоне. Как во сне я зачерпнул снова, и на этот раз в половнике оказалась когтистая лапа с остатками грязи, и несколько маленьких коричневых перьев. Едва подавив подступившую тошноту, я увидел, как родители и брат, с удовольствием причмокивая, поглощали эту мерзость, закусывая сырной лепешкой.

– Что ты не ешь? – спросила мать.

– Спасибо, я не голоден.

– Не дури, я знаю, что ты хочешь есть. Давай я тебе налью. Вот, – она поставила передо мной тарелку, в которой плавала та самая куриная лапа.

Все трое уставились на меня.

– Я не могу это есть, – не выдержал я.

– С каких это пор тебе не нравится еда матери? – поинтересовался отец, облизывая нижнюю губу, к которой прилипло куриное перо.

– С тех пор, как вы изменились. Это же не еда, а помой для собак.

– Тебе не нравится моя еда? – ахнула мать. – Но раньше ты никогда не жаловался!

– Я не жаловался, потому что мы ели нормальную... человеческую пищу, но не это. Смотрите, – я разломил лепешку и показал всем зеленовато– коричневую начинку, – вот это есть нельзя. От этого можно отравиться и заболеть.

Отец выхватил у меня лепешку и пристально посмотрел на нее.

– Не носи чушь! Она абсолютно свежая. Твоя мать всегда такие печет, – он откусил большой кусок и проглотил.

– Ладно, еду вы не замечаете, но, а то, что с вами происходит, вы видите? Богдан, скажи, что ты вчера говорил? Что вчера произошло?

– А что мне говорить, – он откинул со лба отросшую грязную челку, и пытливо посмотрел на меня впавшими карими глазами, – например то, что ты остолоп, такая же как задница ба...

– Да, я именно такой и есть! – вскрикнул я. – Но сейчас не об этом. Речь о том, что вы все больны, и нам нужно уехать отсюда. Мама, ты видела себя в зеркало? Вы все выглядите плохо, вы стареете. Вам нужна помощь!

– Помощь нам точно нужна, – подметил отец, – расскажи нам лучше об этом грузине. Я так понимаю, ты не стал слушать меня, а все еще продолжаешь с ним ты дружишь. Как поживают его дети?

– При чем тут его дети?

– Сколько им лет? – продолжил он, обсасывая куриную голову, словно баранью кость.

– У него, кажется, есть младшая дочка, ей вроде еще нет тринадцати? – добавила мать.

– Зачем вам это нужно знать? – я насторожился, этот вопрос уже в третий раз звучал за короткое время.

– Мы хотим все знать о друзьях своего сына, – мать протянула свою руку и положила на мою. Ее рука была мне незнакомой – всегда аккуратные белые ногти превратились в старческие, желтые и корявые, тонкая, с пигментными пятнами, прозрачная кожа обтянула острые костяшки. – В прошлом году, в конце октября, это же ты к той девочке ходил на день рождения? Она же твоя ровесница?

Я посмотрел в холодные и безумные глаза матери: ведь мы договаривались, что отец не узнает об этом, но она и глазом не повела, что выдала меня.

– Так, так, ты ходил в гости к этому паршивому грузину, – пробормотал отец. – Надо будет навестить тогда его. Он же столько добра для тебя сделал. Грамоте жаждал обучить, но ты и так уже грамотный теперь, да? Но мы тебя не виним. Я был слишком строг с тобой. Если бы я позволил тебе обучаться, то ты бы не предал нас...

Капли холодного пота проступили на моем лбу.

– Я... я не хотел, – прошептал я. – Я не хотел всего этого. Я не знал, что вы заболеете.

– Ты думаешь, что мы больны, сынок? – мать изобразила умильность и улыбнулась потрескавшимися, сухими губами. – Нет, мы полностью здоровы, мы просто постарели, как и он. И мы скоро будем, как он, – она все еще держала мою руку. Я попытался одернуть ее, но она крепче сжала ладонь, и ее несколько отросших ногтей впились в мою кожу. – Мы знаем, что выглядим неважно для тебя, но это просто оболочка, которая не имеет никакого значения.

«Они сошли с ума, надо срочно уходить», – промелькнула мысль, я резко дернул руку и вскочил со стула.

– И куда ты собрался? – спросил отец, поднявшись. – Не хочешь с нами разговаривать?

– Вчера он тоже не захотел со мной разговаривать, – вставил брат, – и теперь вот опять убегает. Надо бы его проучить.

– Я не убегая. Я вернусь. Мне просто нужно в уборную. Я сейчас приду, – я попятился спиной к двери.

Мне показалось, что если я сейчас же не уберусь, они сделают со мной что-то страшное. Медленно отступая, я, старясь ничем не выдавать свой страх, сунул ноги в свои растоптанные

ботинки, с вешалки схватил пальто и вышел из дома. Все это время они стояли и не сводили с меня глаз. Как только закрылась дверь, я рванул, что есть мочи – домой я больше не собирался возвращаться.

На бегу, по пути к дому Бахмена, меня настигли горькие слезы, и только вытирая их, я заметил, что моя рука была поцарапана до крови ногтями матери.

8

Уже несколько дней я жил у Бахмена в его старом, ветхом доме, построенном когда-то наспех его дедом из глины и соломы. Наверное, дед Бахмена и сам не подозревал, что дом так долго простоит, и что его внук будет доживать в нем. Впрочем, дом существовал вполне себе успешно, и, несмотря, на перекосившиеся кое-где стены и прохудившуюся крышу, он намеревался простоять еще немало лет.

Когда я прибежал в слезах к Бахмену, он сидел на деревянной лавке, служившей ему кроватью, и шумно вздыхал. Ночью у него опять случился приступ, поэтому он и не смог утром прийти к загону.

– Ничего страшного, Иларий, – сказал он, – ты не переживай, я еще долго протяну, как и этот дом. Мы с ним хоть и дряхлые, но поверь, очень сильные. – Первые приступы начали со мной случаться еще давно, когда мою жену и детей убили. С тех пор так и живу.

Каждое утро я с Бахменом приходил к своему дому. Листья, опадавшие с деревьев, никто не убирал, и дом приобретал непривычно запущенный вид. В окнах не горел свет, никто не выходил из дома, когда мы управлялись с хозяйством и выгоняли стадо на пастбище. Только раз я увидел в окне постаревшего брата, который наблюдал за нами.

– Иларий, тебе нужно сходить завтра на службу, – сказал вечером Бахмен, помешивая в горшке кашу и пробуя, достаточно ли она соленая. – Поговори со священником, авось, он что-нибудь да подскажет. А я завтра пойду в холмы, нужно найти кое-что. Есть у меня один план, – он лукаво прищурился, – да только вот не хватает одного корешка. Должен он быть в холмах, да что-то не попадается мне. Может, ближе к горам будет.

– Бахмен, прошу, не ходи туда, там опасно, там волки! – воскликнул я.

– Эх, да что мне эти волки! – засмеялся он. – Ни одному волку не интересна такая старая головешка как я.

В воскресенье утром я направился на службу. Стоя в самой гуще толпы, окруженный со всех сторон людьми со скорбными лицами, я никак не мог сосредоточиться на том, что говорил отец Виттий, так как в моей голове усердно стучали молотки от подступающей тошноты, да и крутились вопросы, как обратиться к священнику с моей бедой.

Мы всегда уходили сразу же после службы, никогда не задерживались, и я с удивлением увидел, что, как только служба закончилась, священника со всех сторон начали облеплять люди. Я по инерции двинулся тоже вперед, но толпа из стариков, старух и женщин, стремившихся поцеловать руку и просивших благословения, толкавших сопротивляющихся детей и протягивающих орущих младенцев с просьбами избавить их от болезней, не подпускала меня ближе.

Несколько раз я пытался открыть рот, но все время кто-то вклинивался вперед, отталкивая, оттягивая меня и даже шикая, чтобы я не мешался под ногами. Только дождавшись, когда последние плачущие старики уходили, а священник собирался уже садиться в коляску, я, запинаясь от страха, обратился к нему.

– На все воля божья, мальчик, – ответил он мне. – Все мы рано или поздно придем к этому. Только с молитвами выздоровеет семья твоя.

– А как же старик, которого я пригласил?

– Это хорошо, что ты его пригласил, стариков надо уважать и любить, и добро тебе воздастся. Все мы, если Господь позволит, будем немощными.

Священник протянул мне руку, и я смутно догадался, что ее нужно поцеловать. Он сделал в воздухе крест и, встряхнув вожжами, тронулся.

В сумерках, когда начал чуть накрапывать дождь, вернулся довольный Бахмен.

– Ну, повезло, повезло нам. Я уж совсем было отчаялся, думал, возвращаться придется ни с чем, да нашел я таки. Вот, – он достал из грязной суконной сумки, перекинутой через плечо, мокрый разветвленный корешок с кусочками земли, – этого боятся злые духи – жгуций корень! Мы высушим его, добавим можжевельника и полыни и выкурим проклятого джинна из твоего дома. Все будет хорошо. Когда я бродил по холмам, мне пришла в голову мысль, что плохо, что я потерял веру. Вера – это дело такое, то потеряешь ее, то опять найдешь. С ней непросто, но и без нее плохо. А верить все же нужно. Ты, вон, читать обучился, никогда не обучаясь. Значит, есть сила. А если есть сила зла, то и противодействие есть – сила добра и веры. Не верю, что нельзя никак выгнать из дома этого проклятого джинна. Не верю, что разум и тело человека можно так одурманить колдовством. Скоро мы покажем ему, кто хозяин в твоём доме. А если уж и не поможет, что маловероятно, есть у меня и второй план. В Рудах, что дальше от Низкогорья, есть одна женщина, давно еще говорили, что она может изгонять злых духов, бесов из домов и людей. Поедем тогда к ней. Что-то должно помочь, – он принялся за чистку корня и, довольно усмехаясь, добавил: – А, каков старый Бахмен? Годен еще на что-то? Не только овец может пасти.

Я тоже впервые за все это улыбнулся и почувствовал легкое чувство спокойствия, как первое дуновение весны, означавшее конец долгой и тяжелой зимы.

Ближе к ночи, когда мы уже собирались укладываться спать, кто-то постучал в дверь. За дверью, с ночником в руках, стояли Ладо и Тито. Ладо извинился за столь поздний визит, сказав, что он догадался, где я могу быть.

– У нас, кажется, проблема, – сказал он в смятении. – Сегодня к Софико, когда она гуляла возле гусяного пруда, подходила пожилая женщина, одетая в мужское пальто, а на голове у нее был повязан платок, синий с мелкими цветами. Дочка сказала, что эта странная женщина интересовалась, когда ей исполнится тринадцать, и предлагала сделку – точно такую же, какую тебе подложил старик, – он посмотрел на меня, и в комнате повисла тишина.

– Это была моя мать, у нее есть такой платок, – сказал я. – Это значит... – все замерли, – это значит, что мои родители превращаются в того самого старика?

– Они превращаются в джинна, – глухо промолвил Бахмен. – Джинны могут вселяться в человека, жить в домах, вызывать болезни. Но я не слышал, что они могут превращать других людей в самих себя, но судя по тому, что мы знаем, так и есть. Им нужен дом.

– Но они уже живут в доме? – воскликнул Ладо.

– Наверное, им нужен новый дом, – Бахмен развел руками, – их же теперь четверо. Это всего лишь мои догадки.

– Они мне говорили, что скоро уйдут из дома. Спрашивали вчера, сколько лет Софико. Я тогда не понял ничего, но сейчас... Их интересуют такие же, как и я. И они все знают, они знают, что это я пригласил старика, они знают, что я их предал, – произнес я едва слышно и опустил голову: я боялся увидеть в их глазах осуждение и жалость.

– Хорошо, давайте подытожим, – сказал Ладо, – допустим, некий старик или что-то в образе старика, например, джинн, как говорит Бахмен, должен найти ребенка, которому еще нет тринадцати. Ребенок должен пригласить старика в дом, и тогда он получит какое-то желание. Сделка совершается, старик оказывается в доме и становится невидим, потому что он джинн или кто-то еще. Потом он заражает всех домочадцев, кроме самого пригласившего. Ведь с тобой все в порядке, Иларий? – я кивнул и Ладо продолжил: – Далее идет следующая цепочка: все заразившиеся стареют и становятся такие же, как и старик, и также ищут подростка и дом в обмен на желание. Это все, что мы пока знаем, – закончил Ладо и покачал головой: – Ну и дела. Никогда не думал, что столкнусь с нечто подобным. Тогда получается, что это нечто так размножается? Раз старик откуда-то пришел к Иларию, значит, его тоже кто-то заразил, и он раньше был человеком? Оно может распространяться. Ведь еще кто-то еще может пострадать? Это... это как чума! – воскликнул он и с ужасом посмотрел на нас. – Во время чумы заражен-

ных держали в одном месте. Нельзя допустить, чтобы эти оборотни, – он осекся и продолжил: – Прости Иларий, чтобы твоя семья покинула дом. Пока мы не поймем, как можно их вылечить, они должны находиться все вместе.

– И как же мы это сделаем, если они будут возражать? – спросил Бахмен.

– Нужно заколотить дом, другого выхода нет. Только мы не знаем, сколько у нас есть времени, поэтому медлить нельзя.

Посоветовавшись, мы решили, что овец и лошадь нужно перегнать к дому Бахмена, только если вот место для лошади имелось, то загон, оставшийся еще с тех времен, когда у Бахмена было свое стадо, изрядно покосился и пришел в негодность. Ладо сказал, что рано утром они с Тито придут с инструментами и подправят его.

Укладываясь спать на жесткой деревянной лавке, Бахмен проговорил:

– Не грызи себя так, мальчик мой, все мы ошибаемся. Все наладится, вот увидишь, все наладится. Только верь. Верь.

Я слушал побряхтывание Бахмена, пока он не уснул, а сам долго лежал и смотрел в шевелящуюся за окном пустоту, и мне казалось, что мои губы и рот были пропитаны кровью, и неуловимый привкус меди вызывал приступ тошноты. Мне казалось, что я навечно замарался в чем-то омерзительном и скверном, и никогда, никогда я не смогу смыть с себя это.

9

На следующий день Ладо и Тито подошли к дому Бахмена, когда солнце еще не показалось на горизонте, и мы втроем, не мешкая, приступили к работе. К полудню загон был готов: подправлена крыша, стены, укреплена ограда.

– Ну, славно поработали, – удовлетворенно сказал Ладо, – до холодов должно быть неплохо, а потом посмотрим.

Я заглянул в дом, чтобы позвать Бахмена на обед, но в доме его не было.

– Может, он ушел в холмы? – спросил Ладо.

Но я сразу же отверг это, когда увидел, что на печи не было того самого «жгущего корня». Беспокойная странная мысль засела в моей голове: «Не случилось ли что плохого с ним?». Я сказал, что нам непременно нужно сейчас же идти к моему дому. И чем ближе мы подходили, тем сильнее мной овладевало беспокойство.

Возле калитки мы заметили рассыпанные белые крупинки.

– Похоже на соль, – сказал Ладо, рассмотрев крупинку.

– Посмотрите! – крикнул я. – Дверь дома, кажется, заперта.

Действительно, входная дверь была закрыта на тяжелый металлический засов, через который был перекинут замок с незащелкнутой дужкой. Эту дверь мы запирали только тогда, когда все вместе уходили в церковь.

– Вы чувствуете запах? – нахмурился Тито, – внутри, будто что-то дымит. Из дверной щели тонкой змейкой повеяло горьким запахом жженой травы.

– Нужно срочно открыть дверь, там Бахмен! – закричал я, и Ладо, мигом сорвав замок, дернул дверь. Тяжелое облако ядовито-едкого дыма вырвалось на свободу, и разом запершило в горле, и заслезилась глаза.

– Стой здесь! – крикнул мне Ладо, и они с Тито, прикрывая носы рукой, забежали внутрь. Послышался тихий звон упавшей посуды, кашель, ругательство и вскоре я увидел спину Ладо показавшуюся в дверях. Потом из двери выплыли старые, с протертой подошвой резиновые сапоги, потом ноги в коричневых, залатанных на коленках штанах, жилет на овечьем меху, надетый поверх грубой суконной рубахи, и безвольно повисшая лысая голова Бахмена.

– Он умер? – тихо спросил я, когда Ладо с Тито отнесли его подальше от дома и аккуратно положили на усыпанную желтыми листьями траву.

– Боюсь, что да, – промолвил Ладо, осмотрев лицо Бахмена. – Задохнулся.

Тяжелый молот ударил в мою грудь, и я едва удержался, чтобы не упасть. «Он пришел сюда из-за меня, он хотел мне помочь, это я виноват, виноват, виноват», – оглушал меня молот.

– Иларий, здесь нет твоей вины, – сказал Ладо, словно угадав мои мысли, – Бахмен мог выйти из дома, но дверь была заперта. Кто-то закрыл ее, когда он вошел. Остается узнать, кто это мог сделать...

– Смотрите! – пошептал Тито, показывая рукой на дверь.

В дверях дома, не выходя на свет, стоял старик. Он несколько секунд, сверкая глазами, смотрел на нас, а потом резко исчез внутри.

– О, боги, – выдохнул Ладо, – он был все время внутри и он живой. Не может быть, чтобы он еще был человеком, раз его не берет даже такая гарь.

– Да, когда мы были внутри, мне показалось, что я видел еще кого-то, с длинными волосами, – сказал Тито, – наверное, это была женщина. Она выглядывала из-за угла и трусилась, как мелкая собака.

– Если двое были все это время в доме, то значит, третий запер дверь, значит, один ушел... Сейчас же нужно заколотить дом! Последние почести славному старику Бахмену мы отдадим позже, нужно торопиться.

– Подождите, – схватил я за рукав Ладо, – Бахмен говорил, что их можно спасти. Если мы заколотим дом, то они останутся без воды. Что, если им нужна вода? В подвале-то есть еда, они продержатся, но им нужно принести воду!

– Иларий, сомневаюсь, что они будут пить и есть? Они скорее кровь будут высасывать.

– Нет, я не могу так, я сам все сделаю.

Набрав в колодце ведро воды, я направился к дому. «Я не боюсь, я не боюсь, – повторял я, – они мои родители, они не причинят мне вреда. Я просто поставлю ведро и уйду». Горький запах жженой травы уже выветрился, и я медленно зашел в дом. «Поставь возле входа и уходи», – приказал я себе, и тут же из кухни выглянули две пары блестящих глаз. Я едва не закричал: передо мной стояли абсолютно два незнакомых мне старика, и только по одежде и по волосам можно было узнать, кто из них был раньше моим отцом, а кто – матерью.

– Возвращение блудного сына, – прокричал отец. – Пришел проведать нас?

– Я... я принес вам воды.

– А зачем она нам? Нам теперь не нужна ни вода, ни еда. Нам только нужна душа, страдающая душа. Мы чувствуем одну, сильно страдающую душу. Она так сильно пахнет, как свежескошенная трава. Но он быстрее дозрел и быстрее доберется.

– Кто дозрел? – выдохнул я, и, не сводя с них глаз, медленно поставил ведро на пол и отступил. Старики тоже ступили вперед.

– Тот, кто раньше был твоим братом. А мы уходим сейчас...

Я опрометью бросился к выходу. Старики завизжали, и мне показалось, что их длинные сухие руки, напоминающие старые коряги болотного дерева, лязгнули со свистом у меня над головой. Несколькими парящими шагами я пересек расстояние до выхода и, схватив дверь, закричал: «Запирайте!». И прежде, чем я успел захлопнуть дверь, один из стариков просунул руки в проем. Ладо, бросившийся помогать мне, подтолкнул плечом дверь, а Тито, мощным ударом палки, заставил стариков в очередной раз взвизгнуть и исчезнуть внутри дома.

– Ну, что, напоил их водичкой? – воскликнул Ладо. – Срочно заколачиваем!

Притащив доски с сарая, гвозди и молотки, мы принялись закрывать окна.

– Чердак! – крикнул я. – Нужно заколотить окно на чердаке. В сарае есть длинная лестница.

– Заколачивайте окна, я справлюсь, – сказал Ладо. Он кинул на коридорный навес пару досок, установил лестницу и прытко пополз вверх.

– Папа, смотри! – Тито в ужасе показал на чердак, из окна которого выглядывал трясущийся от злобы старик, собираясь спрыгнуть на крышу навеса.

– Сгинь, чертова пакость! – страшным голосом закричал Ладо, замахиваясь доской на старика, который не сильно испугался, а только чуть отпрянул внутрь дома. Покатая крыша навеса никак не давала Ладо занять устойчивое положение, приходилось нагибаться вперед, скользить, стараясь не упасть, а старик, скаля зубы, только и ждал, когда тот совершит ошибку.

– Мне нужны еще доски! – крикнул нам Ладо.

Тито стремглав забрался по лестнице.

– Вот доски, давай, папа, толкай его внутрь!

Подобравшись ближе к окну, Ладо замахнулся на старика, по-прежнему не желавшему уходить, и швырнул в него доску. Старик взвизгнул и отскочил внутрь, в этот момент Ладо успел схватиться за створку окна, открывающегося вовнутрь, и потянуть на себя, но старик, сделав прыжок, вцепился зубами в его руку.

– Ах ты, черт! – заорал Ладо. Он выхватил молоток из кармана и, что есть силы, стукнул старика по голове. Яростно заверещав, старик отпустил руку и спрятался в глубине чердака.

Когда заколотили окно, Ладо показал руку.

– Смотри, как прогрыз, ну и зубищи. У обычных стариков к этим годам их и нет вовсе, а у этого, ты погляди, как у клыкастой собаки.

Заколотив дом до основания, мы все трое стояли красные, шумно дышали, будто только что пробежали несколько километров, и озирались по сторонам, словно кто-то, вот-вот, откуда-нибудь должен был выскочить.

Тито достал из кармана самокрутку, чиркнул спичкой и закурил.

– Да, папа, я курю. Я уже давно взрослый. Нечего на меня так смотреть, – сказал он укоризненно вопрошающему отцу.

– У тебя есть еще? – спросил Ладо.

Тито, молча, достал из кармана еще одну самокрутку и протянул ему.

– Можно и мне? – спросил я.

– Ладно, дай ему, – вздохнул Ладо, – сегодня можно, день слишком тяжелый, а вообще, Иларий, никогда не кури. Это все дрянь.

Солнце двигалось к закату, когда мы втроем хоронили Бахмена, и я пребывал в каком-то странном оцепенении, будто мою голову сковал мысленный паралич. Так закончился путь славного старика, моего лучшего друга. Сгущались сумерки, усилился ветер, поднимая осыпавшуюся пожелтевшую листву и гоняя ее в маленьких пыльных водоворотах. И снова, где-то спрятавшись в синеве, закричала та страшная ночная птица, протяжно нарушая тишину холодного осеннего вечера. Еще долго, склонив головы, мы стояли возле свежей насыпи земли, каждый думая о чем-то своем, а когда двинулись домой, птица все продолжала надрывно кричать, будто больше всех скорбела по доброму старику Бахмену.

10

Оцепенение, настигнувшее меня, не покидало несколько дней. Каждое утро я просыпался от холодных ручейков осеннего ветра, заглядывающих в щели старого дома, будто проверяющих, есть ли кто живой, и до самой ночи я занимался делами по хозяйству, а потом падал в глубокую яму сна, будто засыпавшую меня холодным снегом.

У Бахмена были небольшие запасы еды в погребе, и я рассчитывал, что на зиму мне их должно было хватить. Еще у него были огромные валенки и бушлат, выглядящий так, будто пережил несколько войн. Я знал, что зима настанет быстро, но не ее я страшился, я боялся лишиться сил. Пока у меня еще их хватало: я неплохо двигался, выполняя тяжелую, монотонную работу, но я знал, что надолго моих сил не хватит. С каждым днем они таяли. Ведь я был всего лишь мальчиком, высоким и тощим как жердь, одиноким и таким несчастным, как тысяча брошенных голодных псов.

Вечерами я смотрел на пляшущие тени от горящей лучины и думал. Думал о Бахмене, об Орике, о родителях, брате, о моем доме... и о старике. Вся моя жизнь перевернулась, разве не этого я хотел? Нет, я не этого хотел, отчаянно твердил я себе. Я хотел вернуть все назад. Мне не нужна была эта грамота и эти глупые книжки, я хотел быть снова безропотным пастухом. Я хотел, чтобы у меня снова был угрюмый и нелюбящий отец, мать, тихая и беспрекословная, насмехающийся брат, и мои друзья – Бахмен и Орик. Только лишь бы они были. «Неужели нет выхода? Неужели нет спасения? Я перестал верить... Вера. Во мне нет веры. Бахмен говорил, что нужно верить и не сдаваться. Он верил, что можно спасти моих родных. Поэтому он и пошел в мой дом, пытаясь мне помочь. Неужели я хочу, чтобы его смерть была напрасной? Этого нельзя допустить!».

Пару раз ко мне приходила Софико с горячим обедом. Мне было совестно брать у нее еду, я знал, что в ее большой семье каждый кусок был под счет. Приходил Ладо, помогал по хозяйству. Я хотел ему отдать пару овец, в знак благодарности за его помощь, но он отказался.

– Я не могу их принять, – сказал он. – Могут быть вопросы, откуда у меня появились овцы, ведь здесь, хоть и кажется, что повсюду тишина, и никому нет дела до тебя, жив ты аль нет, да обманчиво все это. И тебе что-то нужно решать. Сам же понимаешь, справишься одному в этой глуши будет очень тяжело. Ты крепкий парень, сильный, но такая работа не каждому взрослому будет под силу. Ты не можешь все время жить один: здесь могут ходить бродяги. Овец ты тоже не сможешь продать, сразу спросят, почему тринадцатилетний подросток продает имущество родителей, и где есть эти самые родители. Тот же самый Милон может заглянуть сюда. Это, конечно, было ошибкой обращаться к нему. Но, кто знал... Тебе придется обратиться к тетке, Иларий, тебе нужен опекун.

Я сказал, что так и сделаю, но напоследок хочу попробовать съездить к той женщине, которая может изгонять злых духов из домов, о которой говорил Бахмен. Ладо скептически покачал головой, посмотрел на мои полные мольбы глаза, вздохнул и, махнув рукой, сказал: «Ладно, чем черт не шутит, завтра поедем».

Засветло мы запрягли отцовскую лошадь и тронулись ранним сырým утром. Обильные осенние дожди еще не наведывались на нашу землю, поэтому мы без приключений забрались до села Руды, как только миновало время обеда. Но там удача покинула нас: оказалось, Бахмен ошибался – никто из жителей не слышал о некоей женщине, обладающей такими способностями. Исколесив все село, мы наконец-то нашли хоть какую-то зацепку: одна пожилая доярка, сказала, что слышала от своей родственницы о такой бабке, но проживает она гораздо дальше, и доберемся мы до нее, в лучшем случае, только к поздней ночи, как бы ни к утру.

Расспросив дорогу, мы двинулись в путь, на север. Чтобы не сбиться ночью с пути, решено было остановиться на ночлег возле небольшого озера. К счастью, у нас с собой был

небольшой запас еды и питья, а также тяжелая подстилка из гусиного пера, которая точно не позволила бы нам замерзнуть.

– Ладо, как ты думаешь, кто этот старик? – спросил я, лежа на спине и глядя в черное, усыпанное звездами небо, так схожее с нашим «звездным» ручьем.

– Не знаю, Иларий, не знаю, – вздохнул Ладо. – Я за всю жизнь не сталкивался ни с чем подобным. Да и никогда в нечисть всякую не верил. Но вот это, – он вытащил из-под одеяла левую руку, обмотанную тряпкой, – вот это доказывает, что оно существует. Разве смог бы меня так укусить человек? Никогда бы я не поверил во все то, что случилось с тобой, если бы сам не увидел. Есть кое-что такое, о чем мы не слышали еще. Вон раньше верили, что Земля плоская и стоит на слонах, а те стоят на огромной черепахе. А сейчас мы смотрим на звезды и знаем, что живем на небольшой круглой планете, а там есть миллионы-миллионы других планет и звезд. Но раньше-то этого не знали. Значит, и есть объяснение тому, кто этот старик и откуда он взялся. На все должно найтись объяснение. Надо просто искать ответы. Чтобы понять, как с ним бороться, нужно узнать про него все. Понять, кто или что породило это существо, найти его источник.

– А ведь старик этот пришел ко мне неспроста. Он пришел в поле, зная, где я нахожусь. Он пришел из-за меня. Когда я в последний раз видел родителей, они сказали, что им не нужна еда и вода, им нужна только страдающая душа. Ладо, это я привлек его своими страданиями. Я так хотел научиться читать, я так хотел ходить в школу, хотел иметь другую жизнь. А теперь, я умею читать дурацкие буквы, а мои... – в горле что-то сдавило, и я не смог больше говорить, слишком больно мне стало.

– Послушай, Иларий, что я скажу, мне тридцать шесть лет, и я за всю свою жизнь совершил много ошибок, очень много. Нет мне прощения за них, и не будет ни здесь, ни на том свете. Я долго размышлял о том, что такое жизнь, и почему часто она нас заводит в дебри. Понимаешь, есть такие тонкие-тонкие мостики. Они периодически появляются у нас на жизненном пути вместе с другими дорогами, мостами, мощенными, каменными, надежными. Но что-то происходит, что тебя манит именно этот мостик. Что-то там такое за ним блестит и привлекает тебя. Но он крайне ненадежный и сомнительный. Большая просторная дорога дает тебе шанс развернуться, но не этот мостик – ступишь на него и все, обратно пути нет. И когда ты делаешь шаг, только тогда ты видишь, что под ним – зеленая мягкая лужайка или бурлящая река, с острыми камнями, которые могут перемолоть все твои кости. Еще шаг и ты начинаешь различать детали, что там на том берегу – успех, счастье, здоровье или что-то страшное и очень плохое. В этом и заключается коварность таких мостиков. Но выбор сделан, и ты не можешь повернуть назад. Все, что ты можешь сделать – это дойти до конца.

Тебе повстречался такой мостик, и ты на него ступил. Тебе не повезло. Но теперь это твой жизненный путь до тех пор, пока не появятся другие крепкие дороги. Мягкая трава под мостом – это спокойная чистая совесть и отсутствие вины и страданий за выбор. Тебе досталась бурлящая река и острые камни – сомнения, обвинение себя за этот шаг, стыд и терзания. Самое главное, что пока ты будешь видеть перед собой эти камни, пока ты будешь чувствовать вину, перед тобой не появится другая хорошая дорога. Ты сойдешь с этого моста только тогда, когда перестанешь видеть камни и бурлящую реку. Понимаешь?

К сожалению, ты не первый кому встречаются эти коварные мосты. Они всегда незаметно возникают перед нашим носом, манят своей неожиданностью и желанием получить то, что за ними находится. Я ступил однажды на один из них, и на моих руках оказалась кровь человека, моего родного брата. Да, Иларий, я убил его. Я родился в очень бедной и очень большой семье, и в раннем возрасте попал на работу к богачам. Тогда это было очень большой удачей, многие голодали, умирали, а у меня была всегда тарелка еды и даже жалованье. Скучное, но в то тяжелое время о лучшем и мечтать было грешно. Мой хозяин был суровым, но он не был плохим человеком, он даже помогал мне, разрешал посещать занятия вместе с его сыном. И я

поднахватался кое-каких знаний. Единственное, что меня омрачало, что моя семья голодала. И однажды у меня созрел один план. У хозяина был амбар, где хранилось зерно. Его охраняли только собаки, которых выпускали по ночам в определенное время. Выпускал их сторож, и как-то он заболел, и мне доверили несколько дней выпускать собак. Два дня я их выпускал, как положено, а на третий, я подговорил брата пробраться к амбару и вынести мешок зерна. Никто не хватился бы его, все знали, что собаки надежно охраняли территорию. В назначенное время брат забрался в амбар, а я должен был ждать свист брата, означавший, что он в безопасности, и только тогда открыть задвижку, чтобы выпустить собак. План был прост, как ясное стекло, но все случилось не так, как я думал. Хозяин почему-то решил проверить меня и в то самое время, когда я ждал знака от брата, оказался рядом. Он спросил, почему собаки еще не выпущены. Я не знал, что ответить. Он закричал на меня, чтобы я выпускал их, а я все ждал, когда же услышу знак, но его все не было и не было, а хозяин в бешенстве кричал и кричал: «Выпускай! Ты что оглох? Выпускай!». И я открыл задвижку. Сначала было тихо, я обрадовался, что ведь брат успел убежать, что я просто не услышал свист, но когда собаки яростно залаяли, и я услышал крик, мое сердце остановилось. Брат не успел добежать до выхода, его разорвали в клочья. Рядом с ним валялся мешок рассыпанного зерна. И никто тогда не узнал, что этот вор был моим братом.

Долго и страшно я ненавидел и презирал себя. Я мог бы тогда упасть на колени и сказать хозяину правду, что там мой брат ворует его зерно. Нас обоих бы выпороли, отправили в тюрьму, но брат был бы жив. Но тогда я в первую очередь подумал о себе. Я был чуть старше тебя, Иларий, и я испугался, что потеряю работу, что снова узнаю о голоде, мне страшно и стыдно было признаваться в том, что я подлый и лживый человек. Мое малодушие стало причиной гибели моего брата, но, когда уже все произошло, пути назад не было. Долго я хотел покончить с собой. Но каждый раз я снова и снова ощущал себя безвольным и малодушным человеком. Я не смог. Сейчас у меня есть сын, которого зовут так же, как и брата – Тито. И он очень похож на него. Сейчас я стараюсь, насколько это возможно искупить свою вину, но я понимаю, чтобы я не сделал, моего страшного поступка ничто не искупит. И я смирился с этим. Нужно жить дальше, Иларий, нужно жить, как бы сложно ни было.

11

Раннее утро осыпало нас росой и спрятало в туман. В село, которое мы держали путь, называлось «Птичья долина». Добрались мы до него, когда солнце стояло уже высоко. Где находится дом женщины, которую мы искали, указал первый встреченный нами рыбак. Оказалось, что женщина эта была незаменимым человеком, и дорогу к ней знал каждый селянин с самого детства. Женщину эту звали Варидой. Она заговаривала детские болезни, помогала с родами, лечила от пьянства и к ней постоянно бегали женщины решать любовные и семейные проблемы.

Когда мы остановились возле нужного дома и позвали хозяйку, на встречу к нам вышла, переступая короткими, тяжелыми, мясистыми ногами, похожими на столбы, маленького роста краснолицая женщина лет шестидесяти. Ее туловище прогибалось вперед под тяжестью больших, обвисших грудей, которые доставали до самого живота. Ничуть не удивившись гостям, она кивнула нам, открыла ворота, и мы проехали внутрь просторного двора.

Узнав, откуда мы прибыли, она сразу пригласила нас в дом, на обед. Поставила перед нами кашу с кусочками тыквы, выпечку и горячий чай. В тот момент, когда мы с жадностью приступили к поглощению еды, я почувствовал на себе робкую легкую тень, будто кто-то наблюдал за мной. И подняв голову, увидел большие светлые глаза, обрамленные черными ресницами, наблюдающие за мной из-за навешенного на крючках тряпья. Старые пальто, кофты, юбки, платья, нагромождаясь друг на друге, висели над лавкой, практически полностью скрывая любопытного, прятавшегося в них человека, и только по маленьким, худым ногам, обутым в стоптанные башмачки, выглядывающим из-под тряпья, и длинной юбке, можно было догадаться, что там прячется девочка. Когда она поняла, что ее обнаружили, она, как маленькая птичка, юркнула обратно в свое убежище.

Варида все это время, пока мы занимались едой, даже не обращала внимания на нас, что-то варила на печи и хлопотала по хозяйству, напевая под нос. Села она за стол, напротив, только когда мы опустошили миски. Ладо попробовал начать разговор, но она взмахом руки дала понять, что не время говорить, и тяжелым взглядом начала пристально рассматривать нас. Ладо ее быстро перестал интересовать, и все свое внимание она сосредоточила на мне. Цепкими черными глазами она смотрела в мое лицо, и мне казалось, что я был закаменелой, глинистой почвой, а она бороной, которой непременно нужно было вспахать неплодородную землю.

– Мальчик болен, – произнесла она зычным голосом.

– Нет, – возразил Ладо, – с мальчиком все хорошо. У нас другая проблема.

– Ваша проблема – это мальчик, – резко возразила женщина. Она принесла металлический подстаканник, в котором стояла толстая желтая восковая свеча с подтеками, зажгла свечу и сказала: – Смотри на огонь.

Перед тем как повиноваться, я заметил, что таинственная девочка практически полностью высунула голову из тряпья и с интересом потянулась вперед, словно сама хотела посмотреть, что со мной не так. У девочки оказались светлые, коротко подстриженные, волосы, и я подумал, что они похожи на мои.

– На огонь смотри! – приказала женщина так громко, будто ударила оплеуху. – Теперь смотри на меня, – сказала она, когда я минуты две созерцал огонь. – Хм, хм... странный мальчик, очень странный, – забормотала она, – ничего не пойму, будто мальчик находится под водой, кто-то закрывает его от меня. Дай сюда руку, – она обхватила ее своей тяжелой шершавой рукой и закрыла глаза. Некоторое время она молчала, но потом воскликнула: – Смерть! Я вижу смерть. О, бог ты мой! Мальчик особенный, он... дружен со смертью. Она оберегает его.

И это чепуха какая-то! – Варида открыла глаза и с какой-то долей презрения и отвращения посмотрела на меня, отбросив мою руку.

– И что это значит? – озадаченно спросил Ладо.

– Бог его знает, – вспыхнула она, – говорю, что видела! Мальчика нужно лечить.

– Варида, послушайте, – мягко начал Ладо, – мы приехали не из-за мальчика. У нас другая беда.

Ладо, аккуратно подбирая слова, начал рассказывать обо всех недавних событиях. И я заметил, что девочка, с жадностью слушая историю, уже приподнялась со скамьи, готовая полностью вынырнуть из своего убежища, как вдруг с грохотом ударила входная дверь, послышалась тяжелая поступь, на лице девочки тенью промелькнул ужас, и она снова исчезла, зарывшись в хламье.

– Где Мария, черт ее побери! – громыхнул мужской голос, и в комнату, пригибая голову в проеме двери, ввалился, как разбуженный медведь во время спячки, массивный, высокий, черноволосый мужчина с большой, как лопата, черной бородой.

– Морис, не смей поминать нечистого, у меня гости! – шикнула на него Варида. – Ты опять уже напился?

– К черту мне этих гостей! Мария у тебя? – судя по багровому лицу мужика, он был действительно пьян, и пил он довольно часто.

– На что она тебе опять нужна? Заринка что ль опять не справляется?

– А тебе-то какое дело? Мария моя дочь, поэтому, когда хочу, тогда и требую. Дети орут, как резаные. Ей сказано, чтобы она следила за ними, а она снова убежала!

– Но так Заринка же твоя лупит ее постоянно! Что девочке остается делать? Сносу ей нет! А дети твои орут, как резаные, потому что все в мать и отца. В кого им быть тихими?

– Варида, молчала бы ты лучше! Не была бы ты моей соседкой, за твой острый язык, давно бы тебе встряску устроил. Заринка – моя жена, и ей можно лупить Марию столько, сколько ей вздумается и сколько та заслужит. Если та плохо справляется с детьми, то за что ее по голове гладить?

– Ой, испугалась я безмозглого пьянчугу! Да как можно с твоими оголтелыми балбесами справиться бедной девочке, если они по росту уже вот-вот догонят ее? Я еще, когда роды у твоей Заринки принимала, сразу видела, что все вырастут разбойниками, крови попьют немало. Это они еще пока маленькие, но меня не обманешь, я сразу вижу, кто станет порядочным человеком, а кто бесчестным. Пожалей ребенка, она же без матери осталась!

– Это хорошо, что ее мать, потаскуха, померла, дурного примера меньше. И Марию надо чаще бить, чтоб такой же не выросла! Так, где она? Я знаю, что она к тебе постоянно таскается?

С ужасом я увидел, как этот огромный, кроваво-багрянистый мужик повернул голову и уставился на лавку, в то самое место, где пряталась девочка, пытаясь слиться с ветхим тряпьем.

– Ага, вот ты где, поганка! – гаркнул он и рванул ее за тонкую руку.

Девочка с надрывом, как пластмассовая кукла, пролетела расстояние до мужика и, не доставая до пола ногами, повисла на своем плечике. Ее большие серые глаза тоскливо посмотрели на меня, и, беспомощно волочась, она исчезла в дверном проеме.

В комнате повис тошнотворный запах табака и перебродившего кислого вина.

Некоторое время Варида, нервно жестикулируя, ходила по комнате, возмущалась, поминала мужика всяческими бранными словами, и будто забыла о нашем присутствии, потом, чуть успокоившись, снова потребовала рассказать, зачем мы приехали.

– В доме мальчика случилась беда, – вздохнув, снова начал раскрасневшийся Ладо, вытирая пот со лба. Объяснять – оказалось не так то и просто.

Когда Ладо закончил историю, Варида, шумно дыша, как большой паровой котел, выпучила на нас большие черные глаза, которые и без того были выпученными.

– Вы думаете, что в них вселился бес? – спросила она.

– Если бесы существуют, то...

– Бесы существуют, – категорично отрезала женщина. – Дело другое, что я ими не занимаюсь. Бесовщина – это слишком серьезное и тяжелое дело. Такая простая бабка, как я, вам ничем не поможет.

Я и Ладо беспомощно посмотрели друг на друга: неужели весь наш путь был напрасен. Ладо предпринял еще одну попытку, но Варида снова наотрез отказалась принимать участие.

– Но я останусь сиротой, – воскликнул я, – пожалуйста, помогите! Я больше не знаю к кому обратиться! Мы ехали к вам, потому что вы наша последняя надежда! Прошу, пожалуйста, просто посмотрите на дом, может, вы подскажете, что делать дальше? У меня нет денег, но есть овцы, я отдам вам две, три овцы, сколько вы захотите, но я не могу просто так сдаться, пожалуйста, – я встал на колени перед ней, и Варида, с силой стукнув ногой по полу, потребовала, чтобы я немедленно поднялся.

– Ладно, – наконец сказала она после продолжительных раздумий, – я съезжу с вами, но ничего не обещаю. Слышите, ничего не обещаю! Я вас предупредила. Завтра поедем.

Она отвела нас в небольшую саманную пристройку к ее дому и сказала, что там мы можем переночевать.

Вечером, поужинав, я решил сходить на высокий холм, увиденный мной во время прогулки днем. На возвышении холма росла могучая акация, на ветвях которой были перекинуты две толстые веревки, и к ним была привязана деревянная дощечка. В результате эта конструкция образовывала довольно неплохие и удобные качели. Усевшись на них и чуть оттолкнувшись ногами от земли, я мечтательно уставился на пушистые, мягкие облака, освещенные заходящим солнцем. Качели, мерно поскрипывая, отправили меня в далекий мир, в котором не существовало проблем и забот, где я забылся и растворился. Вдруг боковым зрением я заметил маленькую тень, как будто что-то промелькнуло справа, что-то похожее на мордочку маленького зверька. Тень спряталась за корявым стволом дерева. Я тихо спрыгнул с качелей, и, стараясь не шуметь, резко заглянул за ствол. Нет, это была не белка, как я сначала подумал, там, прижавшись вплотную к коре, на корточках, сидела та самая девочка.

– Ты зачем прячешься? – спросил я. – Тебя, кажется, Мария зовут?

Она, не сводя с меня больших глаз, кивнула.

– А меня Иларий. Тебе не нужно меня бояться. Выходи.

Девочка нечего не ответила, только слегка мотнула головой.

– Не бойся. Я тебя не обижу. Хочешь, покатаю на качелях?

Немного подумав, девочка поднялась, подошла к качелям, ловко, как обезьянка схватилась тонкими руками за веревки, подтянулась и села на дощечку. Ее ноги не доставали до земли, поэтому она не могла сама раскачиваться. Я чуть толкнул качели, стараясь, чтобы они двигались плавно и без рывков, и девочка, вытянув вперед ноги, старалась уже сама управлять ими.

– Ты вообще умеешь разговаривать? – зачем-то спросил я.

Она утвердительно кивнула.

– Это здорово! Во что ты обычно играешь?

– Я не играю, – ответила она неожиданно рассудительным голосом.

– А чем ты тогда занимаешься?

– Я нянька.

– А я пастух, овец пасу, – сказал я и замолчал, потому что не мог придумать больше ничего интересного.

Облака, словно набрав огненной силы, заискрились ярче, вплетая в себя сочные и яркие нити неба, опутавшие весь горизонт.

– Красиво там, – сказал я, показав рукой на закат. – Люблю смотреть, как заходит солнце.

– Я тоже. Всегда сюда прихожу, когда получается сбежать. Только мои ноги слишком короткие, кататься не получается, – ответила она.

– Ничего, они еще вырастут, будут длинные, как мои, – поспешил я поддержать разговор. – Сможешь кататься сколько захочешь.

– У тебя слишком длинные, у меня не вырастут такие, – возразила она. – Мне нужны поменьше.

– Значит, вырастут поменьше, но такие, чтобы ты могла сама кататься.

– Тогда согласна, – вздохнула девочка, улыбнувшись. – Ты хотел бы оказаться там?

– Где? На облаках? Хотел бы. Мне кажется, там здорово.

– Там лучше, чем здесь. Эти облака похожи на пряники, политые малиновым вареньем.

– Любишь варенье?

– Ага, очень люблю. Я бы ела варенье вместо всего. Больше всего люблю малиновое. А ты?

– Я тоже, – соврал я: я никогда не ел малинового варенья. – А что ты еще любишь?

– Еще я люблю петь песни.

– Ух ты! Ты умеешь петь?

– Нет, не умею. Но я люблю. Я сама их сочиняю. Хочешь сочиню?

– Конечно!

Девочка вдруг смутилась, с сомнением посмотрела на меня, но все же запела тонким голосом:

– Я б забралась наверх, на пушистые облака,

И забыла бы обо всех, прыгая там до утра.

Там малиновое варенье и зеленые луга,

Пляшут кони из сирени, и русалки ныряют в поля.

Облака унесли бы меня далеко-далеко на моря,

И там желтое солнце, и лето вокруг, там мой друг, там мой друг, там мой друг.

– Ого, как здорово! – с восхищением сказал я и похлопал в ладоши.

Мария весело засмеялась.

– Тебе понравилось? Я еще много умею сочинять. В основном сочиняю про море.

– А ты знаешь, что такое море?

– Знаю, Варида мне рассказывала. Она там родилась. Это такое огромное до самого неба озеро. Оно такое большое, что там дальше ничего не видно. Там поднимается вода, плюхается прямо на камни и разлетается на много-много капель воды, обрызгивая тебя всего. В нем живет много разных чудищ, добрых и злых. Но злые не подплывают близко к земле. Они живут далеко, поэтому там можно купаться. Вода там теплая и соленая, как засушенная рыба. Там много белых птиц, и они кричат забавно. А еще они такие наглые, как коты, которые хотят что-нибудь стащить со стола, – она вдруг замолчала и тяжело вздохнула, устремившись взглядом и всем телом вперед, словно готова была в ту же минуту превратиться в птицу и улететь в представляемый ей мир. – Когда-нибудь я там побываю.

– Я тоже хочу туда.

– Поедем тогда вдвоем? – серые глаза девочки загорелись с такой силой, будто чиркнули спичкой.

– Давай! Но оно, наверное, находится очень далеко.

– Это неважно. Ты просто пообещай, что мы туда поедем, – с мольбой произнесла она, будто от моих слов зависела вся ее жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.